

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 41 Выходит еженедельно (52 № в год), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. 15-го октября 1905 г. Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 8.

порченная натура.
Повѣсть
М. В. Волконской.
(Продолженіе).

Анютка снова громко выдалась и хотѣла еще что-то сказать, но Слѣпушкинъ движеніемъ руки остановилъ ее.
— Ш-ш!.. Замолчи!.. Клавди-ка-го померла!.. — пропала дѣвушка и убѣжденно, видя недоумѣніе и испугъ въ красныхъ заплаканныхъ глазахъ Даниловой, крестилась. — Право-слово! И насъ-то отсюда за-внизъ пустили... Ишь, вѣрно всѣмъ молчали, кто тутъ оставался... еиную смерть... Отчего?—съ недоумѣніемъ спросила Анютка. Слѣпушкина пожала плечами.
— Вѣрно! — сказала Анютка. — Я бы и не знала, да вонъ Маркелова, по Обету, сказала... Она обернулась и перевалилась съ 14-лѣтней Маркеловой, — незаконной дочерью какого-то важнаго сановника, лежавшей въ инстинктивн.
— Пойдемъ къ ней, — предложила Слѣпушкина. — Она намъ все расскажетъ... Леонтьевой-то дурно сдѣлалось, какъ пришли выносокъ. Оттого и съ Кустовымъ лежить... Анютка, открывъ ротъ, хотела было перевести глаза на Слѣпушкину, но та пошла къ Маркеловой вслѣдъ за Слѣпушкиной. Туда уже пришли и

Муза мести и печали. Картина Е. Геберта, авт. «Нивы».

Ефимова, и Даможирова, и начались рассказы и разговоры.

— Кустовой съ утра было ничего себѣ, оттого и балъ не отмѣнили, — говорила черноглазая, шустрая Маркелова. — И весь день было ничего. Только къ 4 часамъ она стала икать. Помнишь? (Анютка утвердительно мотнула головой). Ей дали чего-то, и икота прошла. Потомъ она стала задыхаться. Когда васъ спрашивали, хотите ли вы на елку внизъ пойти, она ужъ совсѣмъ задыхалась, хрипѣла... помирала... Я слышала это, и даже разъ спросила Александру Петровну. Только она не созналась. Намъ елочки принесли и поставили, она все была жива... А тутъ стали все чаще приходиться и Софья Карловна, и Марья Антоновна, и Евгения Александровна, и Рощъ, докторъ прѣѣхалъ. Всѣ перебивали. Только батюшка не приходилъ еще.

— Онъ былъ, — прервала Маркелову Анютка. — Я его шубу видѣла.

— Былъ, да послѣ!.. — сказала Маркелова. — За нимъ послали еще въ 7 часовъ, а его дома не было...

— А-а!.. — сказала Анютка.

— Ну, вотъ, онъ пришелъ, — продолжала Маркелова: — хотѣлъ причастить, такъ часовъ въ 9, а Кустова ужъ померла... Онъ такъ горевалъ... Мнѣ Марья Антоновна говорила. Потомъ пришли сторожа, прошли въ крайнюю комнату, вынесли на доскѣ что-то большое-большое, покрытое простыней съ головой, Леонтьева какъ увидѣла это, да какъ закричить!.. Дрожать такъ вотъ стала...

Маркелова показала какъ.

— Это кого же вынесли? Кустову? — спросила Анютка.

— Ну, а кого-жь?.. — отвѣтила ей Слѣпушкина.

— Куда-жь ее? — сказала Анютка. — А-а?..

— Какъ куда? Въ садъ, въ покойницкую, — сказала Маркелова. — Какъ Александра Петровна пройдетъ еще разъ и на ночь уйдетъ, мы изъ окна посмотримъ. Тамъ, говорятъ, видно; огонекъ теплится: это у нея.

Долго въ эту ночь не спали многія въ лазаретѣ, и когда Александра Петровна прошла къ себѣ, навѣстивъ въ послѣдній разъ истеричную, взволнованную, хорошенькую Леонтьеву, давъ ей валерьяновыхъ капель и пожелавъ всѣмъ остальнымъ спокойной ночи, — Слѣпушкина, Данилова, Маркелова, Ершова и другія встали съ своихъ постелей, подошли къ окнамъ выходившимъ въ садъ, отдернули старомедныя на блокахъ, съ вдѣланными, вшитыми въ нихъ валиками, узенькія шторы и заглянули въ ночную темь.

Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ чернаго, безформеннаго пространства, гдѣ днемъ былъ садъ, тамъ, гдѣ, можетъ-быть, днемъ была и покойницкая, судя по мѣстоположенію, горѣлъ еле замѣтной точкой красноватый огонекъ, что-то молчаливо говорившій грустное душѣ...

Черезъ три дня Кустову отпѣли въ пріютской церкви, въ присутствіи всего начальства и большинства не взятыхъ на праздники воспитанницъ и отвезли на кладбище, гдѣ обыкновенно хоронили умирающихъ въ заведеніи...

VIII.

— А что Данилова? Больна, простужена? — черезъ день спрашивала сѣдая дама начальницу, прѣѣхавшую такъ же, какъ и священникъ, къ ея мужу, по поводу и неприятности со смертью Кустовой, и пріютскихъ дѣлъ вообще.

Священникъ, взволнованный и еще болѣе блѣдный, чѣмъ обыкновенно, понуро сидѣлъ въ креслѣ въ своей сѣрой, новой, петербургской, стоявшей, какъ накрахмаленная, ряска и, глубоко задумавшись, курилъ предложенную ему начальствомъ папиросу.

Софья Карловна сидѣла противъ важнаго члена-благотворителя, раскраснѣвшаяся, съ пылающими щеками.

— Данилова? — повторила начальница и махнула рукой. — Больна?.. (она усмѣхнулась). Здоровешенька!.. т. е. больна-то она, разумеется, больна, — поправила Софья Карловна: — хронически, но ничуть не простудилась. Ничуть.

Сѣдая дама недовѣрчиво удивленно подняла брови.

— А что такое? — спросилъ важный членъ-благотворитель, дѣлая видъ, что забылъ или дѣйствительно забывшая рассказъ жены о форткѣ, наступленномъ классѣ и Даниловой, и, выслушавъ теперь подробный рассказъ о форткѣ, онъ замѣтилъ: — конечно, онѣ не къ этому еще привыкли.

— Но все же это ужасно... — вставила дама, и лицо ея, выражавшее всегда доброту и умъ, дрогнуло жалостью.

— Ахъ, вѣрите, онѣ, какъ совершенно вѣрно выразился Аркадій Николаевичъ (начальница нагнулась въ сторону благотворителя), не въ такомъ еще холодѣ выросли. Я вамъ рассказывала, кажется, про Данилову, — добавила Софья Карловна и продолжала, стараясь убѣдить сѣдую даму, потому что все же она была ея жена и, какъ жена, могла со временемъ на нею повліять.

— Я вамъ рассказывала, что эта Данилова была найдена на кладбищѣ, въ собачьей конурѣ, что ее генеральша Гогольцева взяла къ себѣ, воспитывала, какъ родную дочь, и такъ привязалась къ ней, что хотѣла даже усыновить ее... Но... (начальница развела руками). Но не было никакой возможности!.. Дѣвчонка и лгала, и воровала, и убѣгала, и пропадала... Сколько безнпойства и слезъ стоила она генеральшѣ Гогольцевой... — докончила театральнo-картинно начальница и какъ-то даже не вздохнула, а застонала, чтобы произвесть большее впечатлѣніе.

— Гм! — сочувственно отозвался важный благотворитель, качая головой, но по взгляду его было видно, что онъ почти ничего не слышалъ изъ того, что говорилось въ комнатѣ.

— Нѣтъ, знаете, — все болѣе разгораясь, началъ опять черезъ минуту Софья Карловна. — Можетъ-быть, это и грѣшно сказать, но... ей-Богу... худую траву изъ поля вонъ... Счастье, для нея будетъ счастье, — сказала она страстно и убѣжденно: — если она скорѣе умретъ...

Сѣдая дама печально молчала.

Что могла она отвѣтить?!

Эти слова, какъ и многія другія, слышанныя ею въ разъ въ жизни, были тѣмъ крикомъ давно побѣжденнаго, тѣмъ воплемъ безсилія, которымъ дышитъ русская дѣйствительность...

Но хотя она и молчала, ледяныя дѣтскія руки-когти тусклые дѣтскіе, укоряющіе глаза, юное, умирающее существо, стоящее передъ начальствомъ въ позѣ повинной, — не выходило у нея изъ памяти.

— Ну, такъ какъ же мы рѣшимъ, батюшка? — пробуждаясь, заговорилъ вдругъ благотворитель.

Отецъ Николай тоже встрепенулся, поднялъ лицо, отвелъ длинные, падавшіе на него, русые волнистые волосы и внимательно воззрелся на сановника.

Пустые, неинтересные разговоры были кончены.

Начались, прерванные сѣдой дамой, дѣловые, важные разговоры. Черезъ полчаса о. Николай задумчивый, неудовольственный, ожидавшій чего-то иного, — тоскливо сходилъ съ лѣстницы сановника.

Начальница оставалась у сановника еще около часа послѣ священника и уѣхала довольная, добившись положительнаго одобренія своего образа дѣйствій.

IX.

Пошли дни за днями, и переживавшимъ эти дни въ пріютѣ воспитанницамъ и начальству казалось, что однообразіе, скучнѣе и обыкновеннѣе этихъ дней не могло быть дней на свѣтѣ. А между тѣмъ, каждый таин

и приносилъ и проносилъ то, едва замѣтное, едва видимое въ большинствѣ случаевъ, обыденное измѣненіе времени и во всѣхъ, которое и составляетъ то, что мы зовемъ жизнью, тою жизнью, которую, когда ее вспоминаешь въ послѣдствіи, ему кажется, онъ такъ цѣнилъ!..

Анюткѣ также казалось, что дни проходятъ страшно ценно.

Ей хотѣлось, чтобы поскорѣй созрѣлъ нарывъ, чтобы прокололи, чтобы онъ поскорѣе зажилъ, и зажили бы на ногахъ, и потомъ, чтобы поскорѣе-поскорѣе уходило, проходило время, она выросла бы и вышла въ пріюта!.. Тамъ за пріютомъ, за пріютскими годами жизни, ей казалось, разстилась широкою вольною дорою.

Время шло поразительно медленно, лазаретные дни тянулись нескончаемые... Наступили февраль, машица и постъ, съ запахомъ изъ подваловъ жареного постнаго масла и медленнымъ перезвономъ съ стѣнъ...

Время шло, какъ всегда, и вдругъ въ пріютѣ случилось нѣчто необыкновенное и ужасное.

Хотя наукой совершенно не доказано, что чахотка развивается въ *такой* степени, хотя и начальство, и нѣкоторые доктора, и многіе въ публикѣ были увѣрены и обещаны (какъ многіе убѣждены и теперь), и доказывали, что чахотка не для всѣхъ опасна,—вопреки всѣмъ случаямъ изъ жизни и научной теоріи нѣкоторой части докторовъ,—у Леонтьевой и Слѣпушкиной открылась скоротечная чахотка.

Родители, т. е. благодѣтели Леонтьевой, подняли тревогу.

— Что такое, откуда, какъ? Отдали дѣвочку красавицу, здоровенькую, бѣло-розовую, сильную. Откуда у чахотка, гдѣ она простудилась или заразилась?.. Кустовой?..

Начальство переполошилось.

— Отчего отъ Кустовой? Вѣдь произвели дезинфекцію, въ пріютомъ Кустова умерла въ декабрѣ, а теперь мартъ! Это наследственность. Отчего же другія, бывшія въ лазаретѣ, не заразились? Все вздоръ. Кому суждено умереть—умреть, какъ ни береги!.. Развѣ онѣ дома, въ деревнѣ, живутъ въ пріютской обстановкѣ? Развѣ у нихъ нѣтъ пріютскій уходъ, воздухъ, питаніе, медицинская помощь? Полноте!..

— Да, но вѣдь Павла такъ и не выходила изъ лазарета,—доказывали благодѣтели Леонтьевой.—Ея инфлюэнца и бронхитъ такъ у васъ въ лазаретѣ и перешли на чахотку. Откуда же?..

— Помилуйте, — возражало начальство: — такъ вѣдь она и въ Кань, и въ По, и въ Ниццѣ, и вездѣ заразилась, гдѣ лѣчатся отъ чахотки. Куда же намъ пріюте помѣщать чахоточныхъ? Выгонять на улицу? Родителямъ возвращать?.. Такъ, вы думаете, она меньше народу перезаразитъ? Полноте!..

— Выстройте для нихъ отдѣльный, изолированный лазаретъ,—говорили благодѣтели Леонтьевой.

— А средства?..—спрашивало начальство.—Изолированныхъ домовъ и въ институтахъ не имѣется. Благодѣтели Леонтьевой умокали, съ недоумѣніемъ спрашивая о томъ, какъ много нарождается каждый годъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, и какъ ни одно изъ нихъ не совершенствуется, не улучшается... Что же вы предлагаете? Средства нѣтъ!..

Черезъ нѣсколько дней—Слѣпушкину, по желанію ея матери, поденщицы-прачки, жившей съ четырьмя младшими дѣтьми въ подвалѣ, «отдѣлили», т. е. помѣстили въ крайней комнатѣ, гдѣ жила Кустова. Леонтьеву, воспитанную дочерью генерала, къ которому подкинули Анютку, когда этой единственной его дочери было нѣтъ, — Леонтьеву взяла эта 28-лѣтняя дѣвушка, собственными руками вынянчившая подкидыша, не спав-

шая съ нимъ по ночамъ, какъ мать или кормилица, и увезла за границу.

На четвертый день Фоминой недѣли Слѣпушкину хоронили.

— Вѣдь вотъ ей счастье!—говорили нѣкоторыя религиозно-настроенныя воспитанницы.—На Пасху умерла... Съ краснымъ яичкомъ провожать будутъ! Христосъ Воскресе будутъ пѣть!..

Анютка, молча, сумрачно слушала эти отрадныя слова и ничего не говорила. На третьей недѣлѣ поста ей сдѣлался проколъ подъ лѣвой рукой и гноя вышло такъ много, что нѣкоторыя воспитанницы, подражая Евгеніи Александровнѣ, стали твердить дѣвчкѣ, что это прекрасно, что теперь она поправится. Но рана, несмотря на ожиданіе, не стала заживать, а перешла какъ и на ногахъ въ язву.

По цѣлымъ днямъ теперь сидѣла и больше лежала Анютка на постели, хмурая, молчаливая, злая или готовая расплакаться отъ каждаго слова, и то глядѣла на небо, тучи и облака, несшіяся по немъ, то разглядывала разныя фигуры, видныя только ей одной и открываемыя ею, то на полу, то на стѣнахъ, то въ угляхъ, когда топилась печь, то въ обглоданной коркѣ хлѣба или молочной пѣнкѣ въ чаю, или вечеромъ и ночью въ складкахъ халатовъ, лежащихъ у кровати, простыняхъ, смятыхъ подушкахъ и пр. Способность видѣть эти фигуры, абрисы фигуръ или вообще самые разнообразные, полные жизни рисунки въ каждой тѣни или пятнѣ, была у нея поразительная. Была ли то творческая способность въ зародышѣ, или бредъ,—отъ постоянной повышенной температуры, трудно сказать, тѣмъ болѣе, что къ рисованію дѣвочки способностей не проявила. Какъ бы то ни было, способность эта помогала ей коротать время.

Когда началась весенняя оттепель, кругъ наблюдений у нея еще расширился. Она приползала къ окну, гдѣ видѣла своего господина (въ послѣдствіи Александра Петровна придвинула къ нему ея кровать), отгоняла отъ окна другихъ дѣвочекъ, злилась и плакала, если онѣ не уходили, и, оставшись одна, полулежала на подоконникѣ и смотрѣла, смотрѣла... Смотрѣла на «метлы», т. е. на черныя деревья съ ржавыми пятнами и прутьями безъ листьевъ, на таившій и изъ сплошной массы превращавшійся въ отдѣльныя капли, проваливающейся, синѣвшій снѣгъ, на ребятишекъ, бѣгавшихъ по двору... На воронъ и голубей, пившихъ изъ проталинъ воду... Когда появились кое-гдѣ на чернѣвшемъ мокромъ дворѣ, на землѣ, возлѣ деревьевъ и по бортамъ дорожекъ чуть замѣтныя, рѣдкія иглы травы, она не могла рѣшиться отойти отъ окна. То же случилось, когда она замѣтила, что черныя сучья и вѣтви точно за одну ночь побурѣли, расширились и приняли какой-то необыкновенный видъ... Въ слѣдующіе дни вѣтви деревьевъ стали покрываться въ разныхъ мѣстахъ бугорками, и никто въ пріютѣ не зналъ такъ, какъ Анютка, когда появились эти бугорки, и какъ они росли, измѣнялись... Разъ, при ярко свѣтлившемъ солнцѣ, вдругъ на небѣ, надъ самымъ флигелемъ, остановилось маленькое облачко, и изъ него свѣтло-блестящей сѣткой полился быстро прошедшій дождь. Казалось, въ жизни своей никогда Анютка не видѣла такой красоты!.. Умирая тѣломъ, она точно прорыскала умомъ и фантазіей. Какъ щенокъ, которому судьба даетъ очень короткій срокъ, чтобы сдѣлаться взрослой собакой, и у котораго, должно-быть, потому бываетъ тотъ заботливый, глубокомысленный, любители собакъ даже говорятъ философствующій, видъ.—такъ много ему надо понять, сообразить, обдумать изъ предстоящей ему собачьей жизни,—какъ такой щенокъ, Анютка, жившая теперь «подъ тѣнью еще не случившагося событія», поспѣшно, расчетливо и обдуманно, хотя и безсознательно, ожидала, видѣла свою судьбу и готовилась съ осмысленнымъ духомъ принять ее...

Литературный альбомъ. „Хористка“, рассказъ А. П. Чехова. Рисунокъ И. А. Бодянскаго, авт. «Нивы».

Туалетъ одалиски. Картина Лейтона, авт. «Нявы».

Позднѣе, когда молоденькая трава, словно подстриженная подь одинъ ростъ, покрыла землю около деревьевъ, борты дорожекъ и лужайки,—и деревья, и кусты издали стали казаться испускающими блѣдно-зеленоватую прекрасную, радующую глазъ, мглу или дымку, Анютка не могла наглядѣться, когда вѣтеръ проносился надъ самой землей, и эта короткая трава не клонилась къ землѣ, а только двигалась, будто бѣжала, быстро-быстро, точно толпа или войско крошечныхъ невидимыхъ для глаза людешекъ.

А дни шли, шли однообразно и незамѣтно, съ той страшной быстротой, которая человѣку иногда кажется отсутствіемъ движенія.

На четвертой недѣлѣ поста о. Николай, ходившій часто по чердакамъ и подваламъ приобщать умирающую петербургскую бѣдноту (очень быстро по его прїѣздѣ въ прїютъ, бѣдняки какъ-то провѣдали о немъ и стали обращаться къ нему), пришелъ домой совѣмъ больной, слегъ и больше не вставалъ. Доктора опредѣлили тифъ.

— Вѣрно, гдѣ-нибудь заразился!—говорило начальство.

На десятый день его болѣзни по немъ неожиданно пѣли: «Со святыми упокой...»

— Экъ, вѣдь вотъ не везетъ!—говорило и думало начальство прїюта.—Тридцать лѣтъ терпѣли того попа, теперь попался прекрасный, чудный, и вотъ!.. Просто горе!.. Четырехъ мѣсяцевъ не пожить!

И снова начались хлопоты о «батьшкѣ».

Наступило время выпуска, заботы о приданомъ для кончающихъ курсъ, мечты многихъ, большинства объ особенныхъ, какъ у барышень бѣлыхъ, розовыхъ, голубыхъ и пр. свѣтлыхъ цвѣтовъ платяхъ для акта и хлопоты старшихъ, начальства и родителей о хорошихъ мѣстахъ, съ жалованьемъ въ семь и максимумъ 15 руб.

Къ лѣту снова многихъ взяли на дачу. Анютка умоляла, чтобы Раиса Павловна взяла и ее, какъ другихъ ихъ благодѣтели. Дѣвочка написала даже Гогольцевой слезное, хотя и безграмотное письмо. Но Гогольцева ничего не отвѣтила Анюткѣ, такъ какъ естественно не могла взять къ себѣ полусгнившую уже нищенку, когда-то оставленную ею у себя по добротѣ.

На лѣто воспитанницъ переводили въ «баракы», т. е. лѣтнее деревянное помѣщеніе, выстроенное въ саду. Перевели или, вѣрнѣе, перенесли туда же и Данилову. Садъ былъ большой, сырой и тѣнистый съ прудомъ, въ которомъ кричали по вечерамъ лягушки, и съ тѣмъ воздухомъ, который бываетъ въ городскихъ садахъ, гдѣ, несмотря на обиліе зелени, нѣтъ и помина той чистой, озонированной атмосферы, которая, казалось, должна бы тамъ быть. Евгения Александровна, впрочемъ, съ досадой утверждала: «что воздухъ прекрасный; деревьевъ много, травы тоже!» Чего же еще?

Въ іюнѣ Даниловой сдѣлали второй проколъ и снова выпустили очень много гноя, но дѣвочкѣ послѣ второй операціи вмѣсто того, чтобы стать лучше, сдѣлалось хуже. Вся въ бинтахъ и перевязкахъ она теперь уже не ходила и не сидѣла, а почти все время лежала на лазаретной койкѣ, которую иногда выносили въ садъ или на балконъ, и жизненные силы ея все уходили, и уходили.

Лицо ея было муругое, самоуглубленное, желтое, какъ залежавшійся, плохо выбѣленный воскъ, съ глазами, казавшимися большими отъ худобы и зеленовато-коричневыхъ тѣней у впадинъ.

Къ августу перевязку ей стали дѣлать два раза въ день, но и этого было мало...

— Господи, хоть бы прибралъ ее Господь...— часто говорила теперь Александра Петровна, рассказывая о Даниловой.

— Злая, неблагодарная. Слова никогда не скажетъ, не улыбнется... а я вѣдь не бралась за такія перевязки!— плакалась она.—Тутъ клиника нужна... Мнѣ же который

разъ приходится съ такими возиться! Петрова была, еще Рунова!.. Эта теперь!.. Воздухъ одинъ чего стоитъ, какъ снимешь съ нихъ бинты!..

То же думала и начальница, и бывшая Анюткина классная дама, водившая, по примѣру прежнихъ лѣтъ, купаться въ Неву безъ разбора и исключенія всѣхъ вѣрренныхъ ей воспитанницъ и приходившая скуки ради иногда, гуляя по аллеѣ, навѣстить умирающую Данилову.

— Хоть бы дѣйствительно умерла скорѣй,—говорила она Александрѣ Петровнѣ, съ жестокимъ равнодушіемъ разглядывая издали безкровное лицо и исхудалыя руки лежащей въ постели дѣвочки.—Выхода не предвидится, выздоровленія нельзя ожидать... Чего-жъ тогда?.. А это медленное гніеніе можетъ продлиться несчетное количество времени... Помните, сколько Рунова проболѣла?..

— Ну, какъ же не помнить!..—отвѣчала Александра Петровна, вообще не очень долюбивавшая Евгению Александровну.—И дамы говорили...

— А что Шарова?—спрашивала Евгения Александровна, исчерпавъ весь разговоръ о Даниловой.

Александра Петровна пожимала плечами.

Шарова, круглая сирота, кончившая курсъ, несмотря на свою молодость, и оставшаяся въ прїютѣ въ пепиньеркахъ, вскорѣ послѣ смерти Слѣпушкиной, стала кашлять и лихорадить. Слѣпушкина въ дортуарѣ спала съ нею рядомъ.

— Что Шарова?—повторяла Александра Петровна, вздыхая.—По-моему плохо. Но докторъ не увѣренъ еще. Все еще надѣется. Гвояколь сталъ давать...

Прошло лѣто.

Оставшіяся въ городѣ воспитанницы провели его, какъ всегда: купались въ Невѣ и слушали музыку изъ сада...

Снова вернулись съ дачъ воспитанницы, многія опять похудѣвшія, поблѣднѣвшія, съ зачатками всевозможныхъ болѣзней, и снова навезли всевозможныхъ разсказовъ, по большей части, однако, группированныхъ возлѣ одного и того же интереса. «Какъ онъ посмотрѣлъ, какъ онъ сказалъ, какъ онъ шепнулъ...» И этотъ «онъ» былъ иногда великовозрастный гимназистъ, иногда солдатъ или писарь, иногда лакей или мальчишка, кадетъ или юнкеръ, доставляющій своимъ пробуждающимся темпераментомъ (который вѣжливо и поэтично принято называть «сердцемъ») много заботъ и безпокойства своимъ родителямъ, особенно матерямъ, такъ какъ отцы часто относятся снисходительно, съ гасимой улыбкой къ «сердечнымъ» проявленіямъ молодежи сильнаго пола.

Нѣкоторыя воспитанницы привозили прямо невозможныя исторіи и повѣряли ихъ другъ другу, но такъ, чтобы начальство ничего не знало. Съ одной дѣвочкой случился скандалъ. Ее какіе-то гимназисты въ саду, на дачѣ связали... и... не прибѣги на ея крики мать-кухарка, кончилось бы плохимъ...

Другія дѣвочки, вращавшіяся у благодѣтельницъ въ болѣе высокихъ сферахъ, привозили, между прочимъ, разсказы и о томъ, какъ въ такомъ-то или такомъ-то преимущественно мужскомъ заведеніи, всѣ воспитатели и начальство подлецы или дураки, и какъ ихъ проучиваютъ воспитанники... И слушательницы хотали безъ умолка и принимали все къ свѣдѣнію, при случаѣ стараясь и подражать.

Наступила осень. У Шаровой и Басовой, 14-лѣтней дѣвочки, средняго отдѣленія, несмотря на принимаемая дорогія лѣкарства, открылась-таки «скоротечная» чахотка.

— У Басовой-то откуда?—спрашивало другъ друга прїютское начальство.—Вотъ и доказательство, что не отъ Кустовой. Она и не была въ лазаретѣ при Кустовой... Скорѣе, ужъ если такъ, такъ отъ Даниловой!.. Это что-то неопишное, какой отъ нея смрадъ!..

Въ сентябрѣ высшее начальство вернулось изъ отпуска, тотчасъ Софья Карловна успѣла обратиться къ нему докладомъ о состояніи ввѣреннаго ей заведенія и съ просьбой пріѣхать въ лазаретъ, провѣрить, какой тамъ воздѣхъ.

— И флаги съ карболкой вездѣ вывѣшены и всюду валяются марганцевый калий,—жаловалась начальница.— Ничто не помогаеть!.. Знаете, вѣдь это какой вредъ для другихъ! — закончила она, догадываясь, что это единственно, имѣющійся у нея вѣскій доводъ.—А ужъ мы сколькихъ перехоронили!..—вздыхнула она.

Высшее начальство посмотрѣло на нее испуганными, слезливыми глазами,—разказало, послѣ ея ухода, женѣ, что вотъ кто,—Данилова, заражаетъ всѣхъ чахоткой, а вовсе не Кустова, которая была отдѣлена; встрѣтило страстный отпоръ со стороны жены, доказывающей ему, что туберкулы въ костяхъ не могутъ заразить пневмоніей, и на слѣдующій же день, побывавъ въ пріютѣ, дѣйствительно поразило атмосферой въ комнатѣ, гдѣ лежала Анютка.

— Надо написать этой, какъ ее... благодѣтельница, что ли,—приказало оно, морщась и сморкаясь, выходя изъ комнаты, гдѣ лежала Данилова.—Чтобы она не взяла... Надо написать, что мы, ради другихъ, не можемъ держать подобныхъ больныхъ!..

Начальство было искренно возмущено равнодушіемъ въ Анюткѣ генеральши Гогольцевой.

— Слушаюсь,—подобострастнымъ голосомъ отвѣчала директриса пріюта, театрално-красиво наклоняясь передъ шефомъ, и, дѣйствительно, на слѣдующій день письмо изъ пріюта было написано, подписано и послано Рансѣ Павловнѣ.

Гогольцева попрежнему поздно уѣзжала изъ Петербурга на дачу и поздно возвращалась въ Петербургъ и теперь жила еще въ пригородной дачной мѣстности, гдѣ играютъ два оркестра, днемъ военный, вечеромъ струнный. Попрежнему генеральша была добра, полна, румянолицая и краснощека; попрежнему плотно кушала въ положенное и не положенное время; и людскія щи съ сметанъ чернаго хлѣба, и раки, и устрицы; попрежнему держала дома опекаемыхъ дѣтей, не брала имъ гувернантки изъ недостаткомъ средствъ, играла въ карты съ восьми вечера до двухъ утра, и попрежнему домъ ея былъ—полная чаша, но чаша, въ которой можно было найти жемчугъ, и кусокъ говядины, и огурецъ, и грязную бѣлье, и отбросы отводной трубы, все въ одномъ мѣстѣ... Когда письмо, посланное заказнымъ, по почтѣ, дошло къ ней, она прочла его, посидѣла молча, поморгала вѣками, и твердо рѣшивъ, что этого не будетъ, что дѣвонку ей не всучать, позвала сыновей, посоветовалась съ ними и, успокоившись, провела весь день, какъ всегда, на слѣдующій день, утромъ поѣхала въ городъ, т. е. въ Петербургъ, на квартиру, къ высшему начальству.

Высокая, полная, величественно и внушительно красивая, съ розовымъ моложавымъ лицомъ подъ вуалеткой,—въ свѣтло-голубомъ манти, съ сѣрыми страусовыми перьями въ видѣ боа, предстала она передъ высшимъ начальствомъ, вошла къ нему въ кабинетъ и... черезъ полчаса вышла побѣдительницей.

Начальство поняло: куда же ей было дѣвать Данилову?.. Она уже и то столько сдѣлала для нея!.. И дѣвонка-то преантиспатичная!.. А она вдова, и средства у нея небольшія, и притомъ какіе-то разоренные племянники, которыхъ ей еще надо опекать!.. Да и вообще, что можетъ кого-нибудь заставить взять чужого ребенка?..

И начальство, вѣжливо проводивъ до лѣстницы Рансу Павловну, задумчиво вернулось къ себѣ и мысленно назвало руками.

«Значитъ, Данилову надо было куда-нибудь самому пристраивать!»

— Придется списываться съ тѣмъ-то и тѣмъ-то,—сообразило начальство.—Просить!.. Что-жъ подѣлаешь?..

Черезъ недѣлю полторы, въ пріютскій лазаретъ снова стали все чаще поступать больныя, и Анютку, въ виду переполненія лазаретныхъ коекъ, войдя въ соглашеніе съ начальствомъ одной изъ больницъ, успѣли удалить изъ пріюта.

Довольно равнодушно, только чуть-чуть нахмуривъ еле обозначенныя брысыя брови, выслушала дѣвочка приговоръ о больницѣ и увѣренія, что ей тамъ будетъ очень хорошо, но въ день, когда ей надо было ѣхать въ больницу,—Анютка вдругъ, неожиданно, расплакалась, прижалась къ одѣвавшей ее, съ помощью лазаретной прислуги, Александрѣ Петровнѣ и стала молить не отправлять ее изъ пріюта.

Не подготовленная, не ожидавшая ничего подобнаго, Александра Петровна расчувствовалась, обняла Анютку, стала гладить ее по головѣ, приговаривала разныя утѣшительныя слова, убѣждала, что плакать нечего, что плачемъ не поможешь, что въ больницѣ очень хорошо, что въ больницу теперь и господа ложатся, что тамъ чудный уходъ...

И вдругъ, такъ же неожиданно, какъ она проявила боязнь къ больницѣ, привязанность и любовь къ лазаретной дамѣ и пріюту,—Анютка неожиданно рѣзко отстранилась отъ Александры Петровны, опустила на подушку и задеревѣла.

Съ задеревѣлымъ лицомъ дала она себя одѣть, отвѣтила на прощанье пришедшей къ ней передъ ея отъѣздомъ начальницы и на прощанье прибѣжавшихъ въ-перегонку снизу нѣсколькихъ воспитанницъ изъ ея класса и изъ старшаго, поцѣловалась съ плакавшей Шаровой, и потомъ безучастно-строго, задеревѣло и вмѣстѣ просто дала себя снести внизъ, положить въ нанятую пріютомъ четырехмѣстную извозчичью карету, устроить «по-удобнѣ», поглядѣла на прощавшихся съ ней швейцара и сторожа, и поѣхала, неохотно, односложно и утвердительно отвѣчая на ласковые вопросы сопровождавшей ее лазаретной дамы, интересовавшейся: «ловко ли ей?.. Хорошо ли?..»

День былъ ясный, осенне-свѣжій, но солнечный. Потемнѣвшая къ старости, запыленная, городская зелень, приняла всевозможные, далекіе отъ первоначальнаго цвѣта, оттѣнки: желтые, бурые, красные, малиновые и блѣдно-зеленые, какъ у недоспѣлыхъ фруктовъ. Анютка, еще лежа въ баракѣ, наблюдала за этими видоизмѣненіями и знала, что у каждаго дерева, независимо отъ его породы,—къ осени, какъ у людей къ старости, своя индивидуальная окраска, которая лѣтомъ, никогда не выступаетъ такъ ясно для глазъ, какъ теперь.

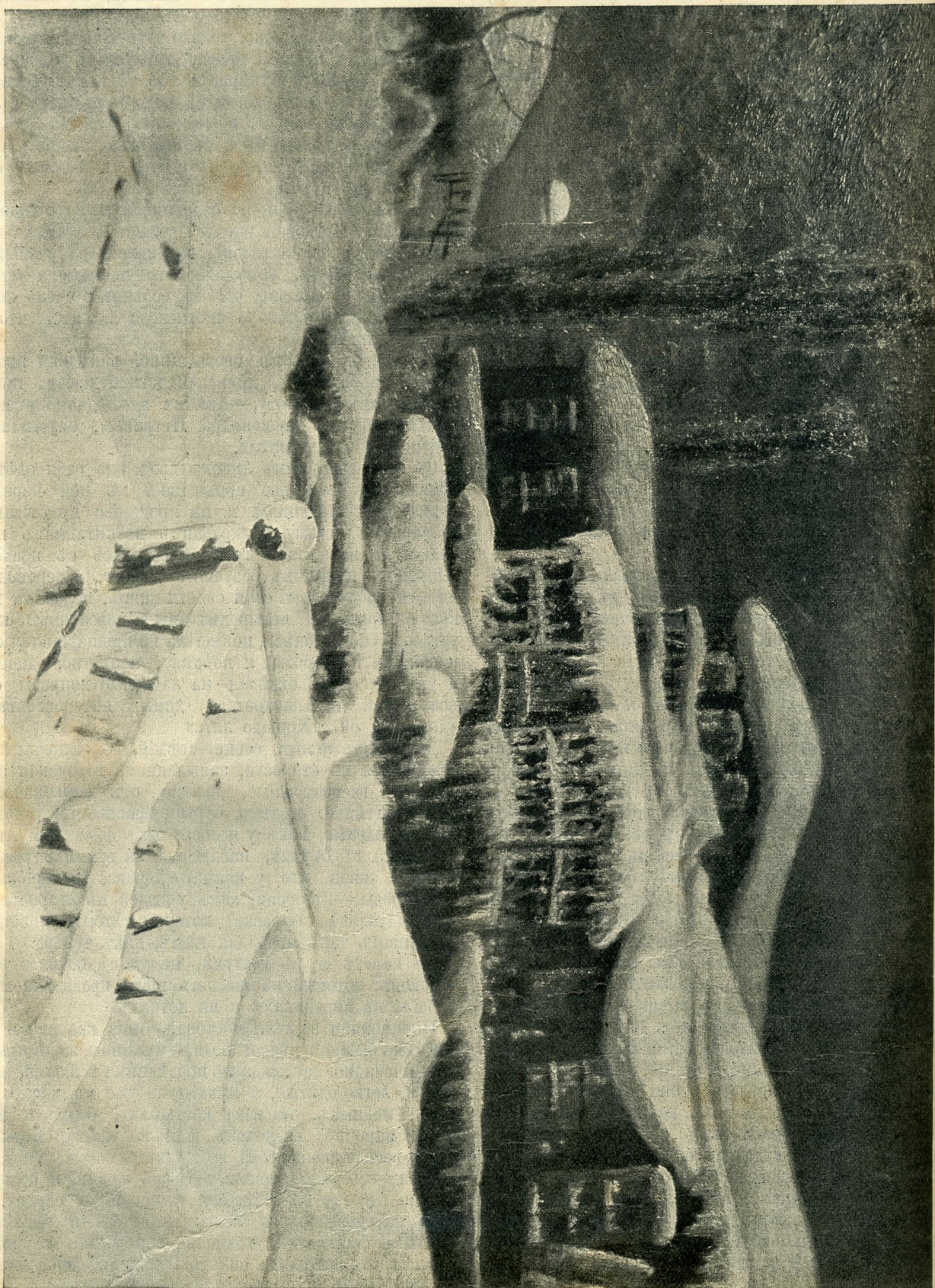
Въ каретѣ и въ воздухѣ, на улицѣ носился запахъ яблоковъ, которыя на каждомъ шагѣ продавали мужики и бабы въ корзинкахъ и на лоткахъ.

Начиненная за лѣто мостовая, была красива и чиста, какъ она бываетъ рѣдко; люди,—мужчины, женщины и дѣти,—очевидно, наслаждаясь послѣдними теплыми, ясными днями, легко одѣтые, а нѣкоторые уже въ новыхъ осеннихъ, модныхъ, теплыхъ костюмахъ, бодро и весело, точно нарочно, на-показъ шли по улицѣ. Конки зло-радно-весело звонили. И все: улицы, конки, дома, люди, яблоки—говорили о жизни, людской жизни, и больно за-дѣвало Анютку по дѣтскому, умирающему сердцу.

Съ задеревѣлымъ желтымъ лицомъ и широко-раскрытыми скорбными, точно наполненными темной влажной глазами, доѣхала она до больницы, не достаивая ни малѣйшаго вниманія Александру Петровну, продолжавшую ласкать и утѣшать ее словами, была вынута изъ кареты больничными служителями и на носилкахъ отнесена въ хирургическое отдѣленіе.

Александра Петровна вернулась въ пріютъ, уколота въ самое сердце безчувственностью Даниловой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпилогъ. (Выставка Общества СХР. Художниковъ). Картина Н. А. Сердюкова, авт. «Нива».

Лишній часъ.

Сказка Василя Московскаго.

Красна дѣвица добра молодца на свиданье звала:

— Приходи, мой сердечный другъ, буду ждать тебя въ концѣ сада, по-сегоднешнему. Я въ девятомъ часу отъ подружки пойду, съ тобой, мой дружокъ, погуляю съ полчаса. Ты придешь ли, желанный мой? Не забудешь ли часу урочнаго?

Добрый молодецъ красну дѣвицу успокаивалъ:

— Не приду, мое солнышко, — прилечу быстрымъ соколомъ, — наядусь въ твои очи ясныя, рѣчей твоихъ нѣжныхъ наслушаюсь!.. Обнималъ добрый молодецъ красну дѣвицу, цѣловалъ въ уста старыя, руку жалъ горячо на прощанье. Въ долгу красна дѣвица не осталася: за поцѣлуй поцѣлуемъ разсчитывалась, за ласку лаской расплачивалась.

Разсталися добрый молодецъ съ красной дѣвицей, другъ на уста въ послѣдній разъ оглянулся:

— До завтра, желанный мой!

— До завтра, солнышко мое!

Ночь прошла, день настаетъ — за дѣла люди принимаются: просятъ, покупаютъ, деньги зарабатываютъ; борются, плачутъ, смѣются, просятъ, просятъ, Богу молятся; куска хлѣба ищутъ, за счастьемъ гонятся, а у добраго молодца съ красной дѣвицей изъ рукъ все

Вечеръ наступилъ, огни по домамъ засвѣтились — красна дѣвица у подружки сидитъ, щелкаетъ орѣшки калѣные, а добрый молодецъ по комнатѣ своей изъ угла въ уголъ похаживаетъ, на часы то и дѣло поглядываетъ.

Ходилъ добрый молодецъ изъ угла въ уголъ до усталы, свѣчу зажегъ, передъ зеркаломъ сталъ въ десятый разъ охорашиваться. — Взглянулъ на часы — еще цѣлый часъ дожидаться приходится!

Вздохнулъ добрый молодецъ тяжело-глубоко, присѣлъ у стола, склонилъ на руки буйну голову, и въ сердечной тоскѣ молвить слово неразумное, опрометчивое:

— Ой ты, время-времячко! Ты зачѣмъ такъ волочишься, тянешься, надъ любовью моею насмѣхаешься. не даешь мнѣ съ зазнобой увидѣться?.. Пропади ты, лишній, постылый часъ! Стрѣлой пролети, время ненавистное!

Только слово это вымолвить успѣлъ добрый молодецъ — совершилось диво дивное: завертѣлись, закружились стрѣлки на часахъ, замелькали по минутамъ, по часамъ, разбѣжались — глазомъ не утонишься!.. На улицу добрый молодецъ спѣшить, на свиданье съ красной дѣвицей торопится...

Вышелъ изъ дому; по улицѣ идетъ — съ каждымъ шагомъ его все

В. Стэдъ.

Проф. П. Н. Миллюковъ.

Русскіе и иностранные корреспонденты вмѣстѣ съ извѣстнымъ англійскимъ журналистомъ Вильямомъ Стэдомъ и проф. П. Н. Миллюковымъ на сѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣателей въ Москвѣ. По фот. А. Монюшко, авт. «Нивы».

ничего, никакое дѣло не ладится — оба съ нетерпѣніемъ урочнаго часа ждутъ.

День къ вечеру пошелъ — красна дѣвица у матери къ подружкѣ спрашивается:

— Пусти, маменька-голубка, къ подруженькѣ милой посидѣть поговорить, сердце рвется къ ней, повидать ее хочется!..

— Ты вчера, доченька, у подружки была, — что больно скоро раскучилась?

— То, маменька, я была у Машеньки, а теперь хочу пойти къ Машенькѣ... у ней я давно ужъ не была.

— Ну, ступай, доченька, только долго, смотри, не засиживайся. Подруженьки твои и полчасу не сидятъ у насъ, все домой спѣшатъ, а ты у нихъ стала по два часа просиживать, — вотъ, хоть въ вѣрашній день взять!..

Подобѣжала дочка ласковая, поцѣлуемъ рѣчь остановила материну:

— Я бы рада была, маменька, и раньше уйти, да подружки не хотятъ любить меня, все удерживаютъ: — «Подожди да подожди, рѣчей твоихъ наслушаться, наглядѣться въ очи ясныя!» Сама же, маменька-голубка, молодой была, знаешь рѣчи ласковыя — какъ ты не послухать?

— Въ мое время, дочка дорогая, такъ подружки не упрашивали, а теперь, знать, все перемѣнилось... Охо-хо! Года мои, да! что со мной въ сдѣлал! Какъ была я молодой!..

Дочка рѣчи не дослушала, убѣжала съ пѣсней въ комнату дѣтскую, стала къ Машенькѣ-подружкѣ собираться, пока маменька-голубка не раздумала, дома дочку дорогую не оставила.

Не долго красна дѣвица собиралася, не долго улыбалася-одѣвалась, а вышла изъ дому хороша-свѣжа, какъ роза майская, утренней... Старь человѣкъ встрѣтится — посмотритъ, вздохнетъ, молодость вспомнить минувшую, молодой — усъ покрутитъ, взглядомъ поводитъ, взгрустнетъ, что не къ нему спѣшить красна дѣвица...

вокругъ мѣняется: весна красная прошла, лѣто знойное кончается; трехъ шаговъ не шагнулъ — листья желтые посыпались, вьюга зимняя завывла, ковромъ снѣжнымъ улица покрылась. Дальше идетъ — снова весна, лѣто настаетъ, листь осенній сыплется, снѣгъ пушистый падаетъ.

Сердце замерло въ груди добра молодца, самъ не свой бѣжить онъ въ конецъ улицы, гдѣ зазнобушка свиданье назначила.

Видитъ онъ — зазнобушка навстрѣчу идетъ, за руки двухъ дѣтшекъ ведетъ, говоритъ ему:

— Мы жаждали тебя, милый другъ! Что такъ долго ты замѣшкался, ждать заставилъ дѣтокъ малыхъ, женку вѣрную свою?

Дѣти тоже къ нему тянутся, отцомъ милымъ называютъ, съ нимъ лепечутъ весело... Взглянулъ молодецъ себѣ на руку — блеститъ кольцо гладкое, обручальное...

Жена подъ руку молодца беретъ, къ его локтю нѣжно прижимается, въ глаза ласково заглядываетъ.

Домой молодецъ идетъ — не можетъ узнать дома прежняго: почернѣлъ домъ, покосился, въ сыру землю ушелъ. Въ комнаты онъ спѣшитъ, минуетъ одну за другой — на глазахъ все старѣетъ, разрушается: по стѣнамъ обои трещатъ, дунятся лоскутьями, ткань на мебели сѣчется, лопается, подъ ногами полъ ссыхается, коробится!..

Глянулъ въ зеркало нечаянно — въ ужасѣ остановился, застылъ: смотреть на него изъ зеркала хилый, больной старикъ, за спиной жена стоитъ, головой сѣдой покачивается.

— Милый другъ! — говорить. — Миновалась наша молодость, пролетѣла быстрой пташкою!.. Ты ли не красавецъ былъ? На меня ли люди не заглядывались?

А надъ головами стариковъ, на стѣнѣ, часы шипятъ-бѣгутъ, стрѣлки другъ за дружкой гонятся, снѣшать жизнь ихъ сокращать.

Кинулся старикъ къ часамъ, стрѣлки ловить, бестанавливаетъ —

Ө. А. Головинъ. Кн. П. Д. Долгоруковъ (стоитъ).
Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ кн. П. Д. Долгорукова.

Проф. Кузьминъ-Караваевъ. В. Д. Набоковъ. К. К. Арсеньевъ.

Голосованіе.

Съездъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ. По фот. Смирнова, авт. «Нивы».

нѣтъ! Бѣгутъ часы своимъ чередомъ, жизнь земную часъ за часомъ укорачиваютъ.

Дальше время летитъ — пѣнье слышится протяжное: къ старику гостя страшная навѣдалась, двухъ дѣтей у нихъ взяла.

Проводилъ ихъ до могилы старикъ, привелъ съ кладбища жену, утѣшать, уговаривать сталъ — не сдержался, самъ расплакался..

Время дальше побѣжало — снова гостя заявила.. Лежитъ зазнобушка на столѣ, къ вѣчной жизни приготовленная, кругомъ свѣчи горятъ, Давида-паря пѣсни слышатся..

Свѣчку въ руку старику даютъ, улицей потомъ ведутъ съ головою непокрытою.. Горстью сыплеть старикъ землю въ яму черную, слышитъ звонъ желѣзныхъ лопатъ, глухой стукъ тяжелой земли въ крышку тонкую сосновую..

Каждый стукъ, звонъ лопатъ, въ груди болью отзывается, сердце старику на части рветъ.. Упалъ онъ на землю сырую, плачетъ, зазнобушку зоветъ:

— Вернись, мое солнышко ясное! Счастье, жизнь моя, вернись! Въ отвѣтъ бой часовъ къ нему доносится — послѣдній часъ его жизни бѣжитъ..

Вздрыгнувъ, крикнувъ добрый молодецъ, очнулся, на ноги вскочилъ, оглядывается.. Все знакомо молодцу кругомъ, все попрежнему на мѣстѣ стоитъ въ его комнатѣ, на глазахъ, въ мигъ одинъ, не старѣетъ, не мѣняется..

Часы звонко, отчетливо бьютъ.. девять разъ пробили. Смотритъ добрый молодецъ — мѣрно маятникъ стучитъ, не спѣша качается, стрѣлки тихо, чуть замѣтно двигаются.

Къ зеркалу молодецъ бѣжитъ — лицо свѣжее, румяное оттуда ему улыбается, изъ-подъ брови соболиной чернѣйшій глазъ блеститъ, искрится..

Въ концѣ улицы красна дѣвица стоитъ, добра молодца на свиданье ждетъ. Ко всякому шагу дѣвица прислушивается, къ подолу приглядывается, отъ прохожихъ любопытныхъ отворачивается, руки къ сердцу прижимаетъ, чтобъ не слишкомъ громко шло, тайны дѣвичьей не выдадо..

Услыхала красна дѣвица шаги быстрые, знакомые, — словно пашка встрепенулась, увидала друга милаго — навстрѣчу спѣ-

шить, съ добрымъ молодецъ здороваётся, горячо ему руку жметъ, какъ скучала, тосковала, другу милому рассказываетъ:

— Ахъ, сердечный другъ! Если-бъ знать ты могъ, сколько душечкѣ передумала я, красна дѣвица, на свиданье тебя поджидаючи! — «Не забылъ ли меня желанный мой, не разгнѣвался ли? Не къ другой ли красной дѣвицѣ на свиданье пошелъ? Не смѣется ли вмѣстѣ съ ней надъ любовью моею?». Ты прости меня, милый другъ! Сердце дѣвичье ревнивое, боязливое, а думкѣ и удержи нѣтъ: разбѣжится — не уловишь, не утонишься..

Слушаетъ добрый молодецъ рѣчи красной дѣвицы, на лицо ея румяное любитъся, рука объ руку съ зазнобой идетъ, съ ней бесѣду тихую любовную ведетъ..

Рѣчь любовная безъ конца бы лилась, если-бъ маменька у дѣвицы не строго была, домой раньше воротиться не наказывала. Стала вдругъ дѣвица беспокоиться, на слова добра молодца невпопадъ отвѣчать, о поздней порѣ заговаривать. Сколько молодецъ ни умаливалъ, сколько добрый ни упрямивалъ, а пришлось-таки дѣвицу домой отвести, у воротъ ея распроститься съ ней.

Обнимаетъ его красна дѣвица, цѣлуетъ въ послѣдній разъ, припадаетъ къ груди добра молодца, говорить въ тоскѣ:

— Ахъ, ты, время — времячко! Ты куда улетило, умчалось, унесло мой счастливый часокъ, помѣшало мнѣ съ милымъ моимъ побесѣдовать, рассказать ему думы завѣтныя дѣвичьи, его рѣчь любовную выслушать..

Набѣжала тучка темная на чело добру молодцу, печаль на душу легла, тяжело вздохнуть молодца заставила..

Сердцемъ чуткимъ дѣвица откликнулась, отозвалась, заглянула пристально въ глаза другу милому, о печали-тоскѣ стала спрашивать.

Отъ отвѣта добрый молодецъ уклоняется, съ красной дѣвицей проститься спѣшитъ. Сколько дѣвица ни допытывалась, сколько красная ни выспрашивала — не хотѣлъ ей добрый молодецъ свою душу открыть..

Съ другомъ дѣвица прощается, ему долго вслѣдъ глядитъ, разгадать печаль добра молодца старается:

— Что такъ тяжело вздохнулъ милый другъ? Отчего мнѣ сказать не хотѣлъ?. Ужъ не я ли чѣмъ обидѣла его: — съ нимъ не ласкова была? упрекнула необдуманно? отказалась погулять лишній часъ?..

Манчжурія.

Враждебный край... Причудливо и странно
Лежитъ узоръ китайскихъ деревень.
Томящій зной, безмолвіе и тѣнь, —
Лишь Тайцыхъ рокочетъ неустанно.

Долинами я ѣду цѣлый день,
Гдѣ заросли густыя гаоляна
Широколистую бросаютъ тѣнь,
Невѣрную и полную обмана.

Тамъ ждетъ хунхузъ, съ ружьемъ въ травѣ таясь.
Мнѣ тягостны Манчжуріи картины, —
Здѣсь съ родиной крѣпка лишь сердца связь.

Зеленыхъ сопокъ острыя вершины
Закрыли даль, печальны и пустынно...
Громада горъ зубцами поднялась.

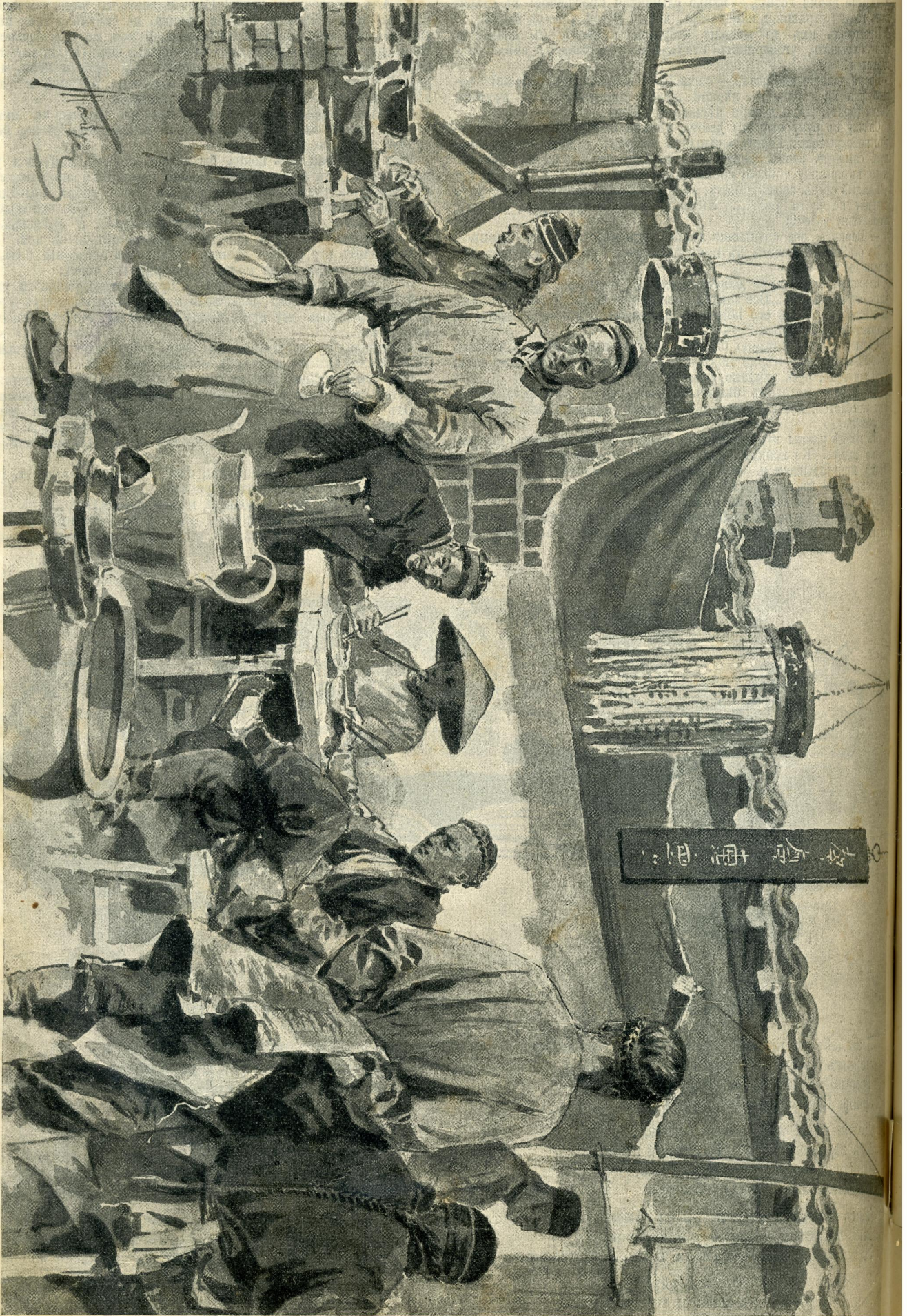
Монголія.

Въ Монголіи, гдѣ вдалѣ бредеть верблюды,
Степныхъ холмовъ теряется граница.
Въ пустынь ихъ кой-гдѣ видна гробница,
Да облака медленно плывутъ.

Татарскія порой желтѣютъ лица,
Цвѣтной халатъ мелькаетъ тамъ и тутъ.
Здѣсь колыбель орды великой снится:
Не тучи въ даль, — то полчища идутъ.

Скрипятъ арбы. Наѣздики съ колчаномъ
И гуль рѣчей въ ихъ отзвукѣ гортанномъ
Мнѣ чудятся въ невѣдомомъ краю.

Но тихо вокругъ, одинъ въ степи стою.
По ковылю, по дремлющимъ курганамъ
То облака бросаютъ тѣнь свою.

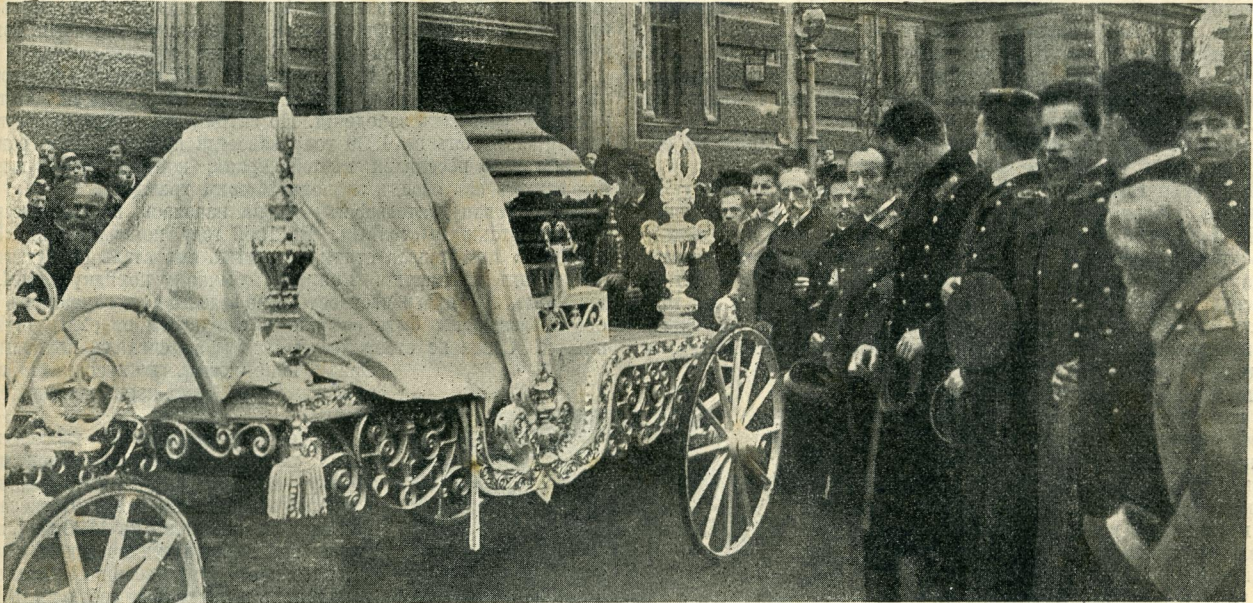
Уличный ресторанъ въ Китаѣ. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Таурина, авт. «Нивы».

Князь С. Н. Трубецкой. (Съ 2 рис. на этой стр.).

29 сентября по Петербургу быстро разнеслась печальная весть: скончался только-что приѣхавшій сюда изъ Москвы ректоръ Московскаго университета, князь Сергій Николаевичъ Трубецкой. Скончался онъ совершенно внезапно, во время засѣданія ко-

часу ночи скончался въ Еленинской клиникѣ, куда его перевезли изъ залы совѣщанія.

Внезапная кончина этого популярнѣйшаго и талантливѣйшаго современнаго дѣятеля поразила какъ громомъ все русское общество. С. Н. Трубецкой какъ-то вдругъ выдвинулся за послѣднее время на аренѣ передовой общественной дѣятельности и приобрѣ-

Перенесеніе тѣла кн. С. Н. Трубецкаго, 2 октября с. г. Траурная колесница съ тѣломъ почившаго у церкви клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ провелъ послѣдніе часы жизни князь Трубецкой. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

гда по выработкѣ университетскаго устава, произнесъ предъ соборомъ сильную и убѣдительную рѣчь по поводу студенческихъ протестовъ. Ради этихъ дѣлъ, ради того, чтобы лично содѣйствовать упроченію обострившагося университетскаго вопроса, онъ и приѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы.

По рассказамъ очевидцевъ, въ самомъ разгарѣ совѣщанія, съ княземъ внезапно сдѣлалось дурно. Совѣщаніе было прервано; С. Н. Трубецкаго уложили на диванъ, и двое изъ членовъ совѣщанія — министръ С. М. Лукьяновъ и проф. Щербаковъ — оказали ему первую помощь. Но, несмотря на принятія мѣры, князь С. Н. Трубецкой впалъ въ безсознательное состояніе и въ двѣнадцатомъ

часу ночи скончался въ Еленинской клиникѣ, куда его перевезли изъ залы совѣщанія. Внезапная кончина этого популярнѣйшаго и талантливѣйшаго современнаго дѣятеля поразила какъ громомъ все русское общество. С. Н. Трубецкой какъ-то вдругъ выдвинулся за послѣднее время на аренѣ передовой общественной дѣятельности и приобрѣ-

Князь С. Н. Трубецкаго въ гробу. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

эти слова пронесли по всей России и как оживили они тогда в нас вѣру в грядущія животворныя преобразованія.

Настала осень; наступила пора, когда съ особенной болью и рѣзкостью напомнил о себѣ университетскій вопросъ. Высочайшій актъ объ университетской автономии даровалъ нашимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ право избирать своихъ руководителей по собственному желанію, и вотъ тогда князю С. Н. Трубецкому выпала жребій стать ректоромъ старѣйшаго русскаго университета. Это почетное званіе принесло ему много волнений и мукъ, потому что князю пришлось сразу же столкнуться съ крайними студенческими партіями и цѣною своей популярности отстаивать тотъ порядокъ, который шелъ въ разрѣзъ съ требованиями молодежи, но который, по мнѣнію князя, былъ необходимъ для правильной хода университетской жизни.

Несомнѣнно, что именно эти волненія дурно повліяли на его слабое здоровье и вызвали печальный конецъ.

Князь Сергій Николаевичъ Трубецкой родился въ 1862 году въ Московской губерніи. Образованіе онъ получилъ въ калужской гимназій и на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета, въ которомъ онъ потомъ занялъ въ качествѣ приват-доцента кафедру философіи. Въ 1900 году кн. С. Н. защитилъ докторскую диссертацию «Ученіе о Логосѣ» и въ томъ же году получилъ званіе профессора. Одновременно съ этимъ, покойный редактировалъ журналъ «Вопросы философіи и психологіи», и журналъ этотъ, несмотря на свою абстрактную специальность, всегда имѣлъ обширный кругъ читателей, такъ какъ талантливый философъ-редакторъ всегда умѣлъ будить даже въ «большой публикѣ» интересъ къ самымъ сложнымъ философскимъ вопросамъ.

Какъ профессоръ, С. Н. Трубецкой отличался пламеннымъ краснорѣчіемъ. Онъ положительно увлекалъ слушателей своими блестящими рѣчами, своей строгой логикой и убѣдительностью. Аудиторія его была всегда полна, и никогда не было недостатка въ самыхъ дружественныхъ манифестаціяхъ по его адресу со стороны учащейся молодежи.

Въ послѣднее время аудиторія князя С. Н. Трубецкого волею судьбы расширилась до чрезвычайныхъ размѣровъ, и скромная профессорская кафедра готова была замѣниться трибуной популярнѣйшаго государственнаго дѣятеля. Кн. С. Н. Трубецкого прочли въ члены Государственной Думы, и можно сказать съ увѣренностью, что его кандидатура была бы поддержана огромнымъ числомъ выборщиковъ.

Но судьба судила иначе. Смерть подстерегла его изъ-за угла... Славная, величавая смерть на аренѣ непрерывной дѣятельности, на почетномъ посту, смерть завидная—но тѣмъ не менѣе все-таки смерть!

Она унесла отъ насъ С. Н. Трубецкого въ самый нужный, въ самый горячій моментъ, когда внутреннее домостроительство обновленной Россіи только-только должно было начаться, и когда только-только проявились во всемъ блескѣ замѣчательныя способности покойнаго князя, какъ народнаго трибуна и государственнаго дѣятеля.

Много скорбей переноситъ Молодая Россія! Въ тяжкихъ мукахъ рождается она на свѣтъ Божій, и муки ея еще усугублены теперь этой обидной кончиной одного изъ искреннѣйшихъ, честнѣйшихъ и талантливѣйшихъ ея людей. Вѣрно сказалъ нашъ поэтъ-гражданинъ: «У счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ!»

Хозе-Марія Эредіа. (Портр. на этой стр.).

20 сентября скончался на 64 году отъ рожденія знаменитый французскій поэтъ, Хозе-Марія Эредіа, хорошо извѣстный по многочисленнымъ переводамъ и русской читающей публикѣ. Смерть застигла его въ его помѣсть близъ Парижа.

Эредіа принадлежалъ къ числу такъ-называемыхъ «парнасцевъ», т. е. поэтовъ, исповѣдующихъ «искусство для искусства» и уходящихъ со своими стремленіями и вдохновеніями «подальше отъ грѣшной земли» — въ сферы отвлеченныхъ представленій и чуждыхъ современной жизни образовъ. Славу свою покойный поэтъ стяжалъ преимущественно блестящею формою своихъ стихотвореній, ихъ безупречной музыкальностью, силой и изяществомъ своей поэтической рѣчи. Въ этомъ отношеніи онъ занялъ совсѣмъ особое мѣсто среди французскихъ писателей и пользовался репутаціей «послѣдняго и величайшаго изъ парнасцевъ».

Біографія Эредіа не лишена нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей.

Онъ по происхожденію — на половину французъ, на половину испанецъ. Мать его была родомъ изъ Нормандіи, а отецъ имѣлъ своимъ предкомъ одного изъ первыхъ завоевателей Америки, донъ Педро де-Геръ. Будущій поэтъ родился въ 1842 году на островѣ Кубѣ, въ горахъ Сьерра-Маэстро, окружающихъ заливъ Сантъ-Яго. Онъ увидѣлъ свѣтъ Божій на кофейной плантаціи «Фортуна», пріютившейся между упомянутыми горами. Замѣтилъ

стать, что у Хозе-Эредіа уже былъ предшественникъ въ дѣлѣ поэзій, однофамилецъ и даже тезка: это былъ знаменитый кубанскій поэтъ, тоже Хозе-Марія Эредіа, писавшій на испанскомъ языкѣ и скончавшійся въ Сантъ-Яго въ 1839 году, т. е. за нѣсколько лѣтъ до рожденія французскаго поэта—его потомка.

Восьми лѣтъ отъ роду Эредіа былъ привезенъ во Францію и отданъ въ коллежъ св. Винченца, находящейся въ одномъ изъ городовъ департамента Уазы. Тамъ онъ получилъ серьезное воспитаніе въ духѣ классицизма и, вѣроятно, еще тогда приобрѣлъ симпатію къ сюжетамъ изъ римской и греческой мифологіи, которые потомъ такъ часто трактовалъ въ своихъ стихахъ.

По окончаніи курса въ коллежѣ, имѣя 17 лѣтъ, Эредіа вернулся на островъ Кубу и тамъ прошелъ курсъ въ одномъ изъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но затѣмъ его потянуло обратно во Францію, и онъ въ 1859 году навсегда покинулъ свою родину и окончательно поселился въ той странѣ, которая потомъ признала его однимъ изъ своихъ знаменитѣйшихъ гражданъ.

Поэтическая дѣятельность Эредіа началась въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Въ 1862 году появились въ «Revue de Paris» его первые стихи, а затѣмъ онъ сталъ сотрудничать и въ другихъ журналахъ. Вопреки обычному порядку вещей, онъ приобрѣлъ крупную извѣстность еще задолго до того времени, когда его произведенія были собраны и выпущены въ свѣтъ отдѣльной книгой. Слава не стала дожидаться этого сигнала, но пришла къ Эредіа понемножку, «по кусочкамъ», вслѣдъ за каждымъ отдѣльно появившимся его сокетомъ.

Эредіа долго медлил съ выпускомъ въ свѣтъ своихъ стиховъ отдѣльной книгой, потому что желалъ дать что-либо вполне цѣльное въ художественномъ отношеніи. Онъ рѣшился на это лишь въ 1893 году, издавъ тогда свой первый стихотворный сборникъ «Les trophées». Этотъ сборникъ имѣлъ огромный успѣхъ и повлекъ за собою въ 1894 году избраніе Эредіа въ члены Французской академіи.

Излюбленная форма его стиховъ—сонетъ. Излюбленное содержаніе—классическія темы. Эредіа бралъ, впрочемъ, сюжеты и изъ среднихъ вѣковъ, и изъ эпохи Возрожденія, и изъ современной жизни, и даже изъ японскаго быта, но охотнѣе всего, и чаще всего онъ вдохновлялся античными образами и мотивами. Въ нихъ онъ чувствовалъ себя, какъ въ родной стихіи, и наилучшимъ изъ его сонетовъ посвящены именно этимъ классическимъ темамъ.

Безупречный стилистъ, удивительно владѣвшій тайнами языка и его гармоніей, Эредіа принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, стихотворенія которыхъ очень пригваряютъ въ переводѣ и, вообще, съ трудомъ поддаются переложенію на другой языкъ. Поэтому онъ не въ полной мѣрѣ оцѣненъ у насъ въ Россіи.

Виною этому отчасти еще и то, что и парнасскій принципъ «искусство для искусства» не пользуется у насъ особымъ почетомъ.

„Муза мести и печали“. (Къ рис. на стр. 801).

«Муза мести и печали». Кому изъ насъ не вспомнится при этомъ стихотвореніи Н. А. Некрасова, проникнутыя, вдохновенныя, именно, этою гнѣвною музою? Художникъ Гебертъ въ своемъ яркомъ символическомъ образѣ далъ намъ характерныя черты этой скорбной вдохновительницы нашего поэта, равно какъ и другихъ великихъ писателей, которые скорбѣли мировою скорбью и болѣли душой за страдающее человѣчество. «Прекрасная, какъ лѣтняя ночь, и гнѣвная, какъ июльская гроза», муза мести и печали глядитъ на насъ съ картины и вызываетъ въ нашей памяти много трагическихъ и грустныхъ образовъ, созданныхъ этими поэтами.

Къ разсказу А. П. Чехова „Хористка“.

(Къ рис. на стр. 804).

Среди мелкихъ разсказовъ А. П. Чехова есть одинъ, который съ перваго раза не обращаетъ на себя особаго вниманія, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ свойственный большинству этихъ разсказовъ неподражаемый чеховскій юморъ. Но стоитъ читать его внимательно — и предъ читателемъ въ этомъ крошечномъ разсказѣ раскрывается цѣлая драма униженной и оскорбленной человѣческой души. Мы говоримъ о «Хористкѣ».

А. П. Чеховъ повѣствуетъ въ этомъ разсказѣ о томъ, какъ супруги Колпаковы оскорбили и даже прямо ограбили несчастную побую хористку, Пашу. Наши читатели, навѣрное, знакомы съ разсказомъ, и мы поэтому не будемъ передавать его содержанія болѣе подробно. Воспроизводимый въ настоящемъ № «Нивы» рисунокъ изображаетъ заключительную сцену разсказа:

«Отойди отъ меня прочь... дрянь! — крикнулъ Колпаковъ съ обращеніемъ, пятясь отъ Пашы и отстраняя ее отъ себя дрянными руками».

Хозе-Марія Эредіа († 20 сентября с. г.).

По фот. авт. «Нивы».

Онъ быстро одѣлся и, брезгливо сторонясь Паши, направился къ яри и выпелъ.

«Паша легла и стала громко плакать.»

„Эпилогъ“. (Рис. на стр. 808).

Картина художника Н. А. Сергѣева «Эпилогъ», представляетъ собою очень выразительную иллюстрацію къ известной эпипоѣ Н. Терпигорева «Осудудніе».

Предъ нами заброшенная барская усадьба. И даже мало того, заброшенная: она вся развалилась, сгнила, превратилась въ рухлядь, которая только и годится, что на сломъ.

М и р ь.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Заключеніе перемирія.

31-го августа на 87-мъ разъѣздѣ было получено изъ Годзядяня, изъ квартиры главнокомандующаго, телеграфное увѣдомленіе, что разъѣздъ прибудетъ поѣздъ уполномоченнаго для заключенія перемирія генерала Орановскаго со свитой. Поѣздъ долженъ былъ прибыть въ 5 часовъ ночи на 1-е сентября, прослѣдовать дальше, поскольку это окажется возможнымъ, и ждать возвращенія уполномоченнаго со свитой, которые пройдутъ верхами до мѣста свиданія съ японскимъ уполномоченнымъ генераломъ Фукушимой.

Выраженіе: «насколько это окажется возможнымъ» — объясняется обстоятельствомъ, что дальѣ, за 87 разъѣздомъ, версты двѣ, железнодорожный путь и мосты разрушены въ свое время отступленіи.

Надо еще прибавить, что первоначально конечнымъ пунктомъ железнодорожнаго сообщенія была станція Сыпингай, около которой проходитъ линія главныхъ укрѣпленныхъ позицій. Дальѣ, къ ст. путь былъ разрушенъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ мосты. Это дѣломъ железнодорожнаго отряда или, какъ его называютъ, мирнаго поѣзда, который въ началѣ кампаніи былъ известенъ подъ названіемъ спиридоновскаго и въ свое время выполнялъ довольно разнообразныя функціи, начиная отъ чисто железнодорожныхъ работъ, продолжая уборкой раненныхъ и кончая широкимъ предпріимствомъ его вагоно-столовой, приновреленнаго изъ обыкновеннаго товарнаго вагона, куда собирались для болѣе или менѣе продолжительной бесѣды офицеры передовыхъ частей.

Но время и обстоятельства измѣнили требованія къ этому своеобразному железнодорожному отряду. Практика войны доказала пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость специализировать службу, а потому взаменъ подполковника Спиридонова былъ назначенъ военный инженеръ подполковникъ М. В. Колобовъ.

Для приема раненныхъ съ передовыхъ позицій былъ выдѣленъ спеціальный головной санитарный поѣздъ.

Главное значеніе поѣзда Колобова должно было выразиться въ нашихъ наступательныхъ движеніяхъ, но заключеніе мира не давало возможности осуществиться какъ этому, такъ и другимъ перспективнымъ приготовленіямъ въ нашей арміи.

Впрочемъ, головной железнодорожный отрядъ выполнилъ частичное наступательное движеніе. Въ началѣ августа, когда виды на миръ были еще весьма проблематичны, изъ главной квартиры было получено приказаніе: головному железнодорожному отряду выдѣлиться отъ Сыпингай на югъ, возстановивъ путь, и открыть движенія 86 и 87 разъѣзды.

Отрядъ опять началъ укладывать путь, имъ же разрушенный. Установить мосты было дѣломъ не легкимъ. На этомъ протяженіи въ три, и видъ ихъ представляется весьма печальнымъ. У одного взорвано по одной фермѣ, половины которыхъ, свалившись на дно рѣки и овраговъ, уперлись въ землю своими изуродованными краями. Одинъ изъ мостовъ возстановленъ очень остроумно. Порванная пироксилиномъ ферма оттащена въ сторону, а на ея место поставлена одна изъ уцѣлѣвшихъ фермъ сосѣдняго моста. Мосты возстановить такимъ способомъ оказалось невозможнымъ. И вотъ, рядомъ съ разрушеннымъ мостомъ идетъ обводный путь по мосту, составленному изъ клѣтокъ, т.-е. изъ обыкновенныхъ деревянныхъ шпаль.

Картина эта представляетъ курьезное впечатлѣніе, такъ какъ въривъ солиднаго желѣзнаго моста, и деревянные клѣточки, по которымъ поѣздъ идетъ съ осторожностью — дѣло однихъ и тѣхъ же людей.

Такимъ образомъ, къ 31 августу головной отрядъ находился на 87 разъѣздѣ — на линіи нашихъ авангардовъ — въ 19 верстахъ впереди Сыпингай.

Въ этотъ день въ отрядѣ, состоящемъ изъ двухъ железнодорожныхъ ротъ, былъ ротный праздникъ 23 роты. По этому случаю, въ неизбѣжномъ молебна, на полянкѣ въ шатрѣ были накрыты столы, за которыми размѣстились офицеры отряда со своими женами — офицерами и врачами сосѣднихъ полковъ. Приѣхали тактичныя сестры милосердія. За шатромъ гремѣла музыка одного ближайшихъ полковъ. Железнодорожные солдаты танцевали въ паре — па-де-катрѣ со всею граціею нижнихъ чиновъ.

Во время обѣда, съ линіи сторожевого охраненія приѣхалъ верховный казачій офицеръ съ пакетомъ отъ генерала Фукушимы. Пакетъ былъ переданъ японскимъ офицеромъ съ непріятельскаго сторожевого поста. Одновременно съ этимъ изъ Годзядяня, изъ

Гдѣ хозяева этой усадьбы? Объ этомъ надо прочесть у Терпигорева, который съ такимъ юморомъ повѣствуетъ о помѣщицкѣй «гибели боговъ» и о томъ, какъ и куда исчезли обломки осудудившихъ помѣщицкихъ фамилій, не сумѣвшихъ приспособиться къ новому жизненному теченію, созданному манифестомъ 19 февраля 1861 года. Помѣщичьи-хозяева исчезли, — и усадьбы исчезаютъ, гниютъ, продаются съ молотка.

Картина Н. А. Сергѣева полна настроенія: это, дѣйствительно, эпилогъ «Дворянскаго гнѣзда» эпилогъ грустный и мрачный! Холодомъ смерти вѣетъ отъ этого заброшеннаго и разрушеннаго гнѣзда, въ которомъ когда-то сыто и весело жилось «на подножномъ корму» рабовладѣльцамъ XIX вѣка.

штаба главнокомандующаго, было передано по телефону приказаніе въ головной отрядъ дать паровозъ офицеру, везущему пакетъ, и безотлагательно доставить его въ главную квартиру.

Пока готовили паровозъ, офицера затащили въ шатеръ и стали угощать. Но онъ былъ взволнованъ своею ролью, съѣлъ кусочекъ пирога, а отъ выпивки отказался, чѣмъ немало удивилъ присутствующихъ. Непьющій казакъ — это, нѣкоторымъ образомъ, достопримѣчательность.

Я попросилъ его показать пакетъ, хранившійся въ его полевой сумкѣ. Это былъ конвертъ сѣрой, но хорошей японской бумаги, форматомъ болѣе обыкновеннаго почтоваго. Въ лѣвомъ углу на французскомъ языкѣ отпечатано: *Штабъ экспедиціоннаго отряда*. А дальѣ адресъ на англійскомъ языкѣ: *Главнокомандующему генералу Ливевицу отъ генерала Фукушимы*. Съ обратной стороны конвертъ запечатанъ бумажной облаткой въ родѣ почтовой марки съ краснымъ японскимъ шрифтомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ казакъ ревниво запряталъ пакетъ въ свою сумку и поспѣшилъ съѣсть на приготовленный поѣздъ.

Къ вечеру было получено извѣщеніе изъ главной квартиры, что поѣздъ съ генераломъ Орановскимъ прибудетъ на разъѣздъ въ 5 часовъ ночи.

Во время ужина, часовъ въ 11, съ передоваго поста приѣхалъ новый офицеръ съ такимъ же пакетомъ къ главнокомандующему.

Это былъ высокий прапорщикъ запаса. Онъ, повидимому, очень гордился своею ролью и, войдя въ шатеръ, нашелъ необходимымъ обратиться къ присутствующимъ съ краткой рѣчью:

— Господа! Я, прапорщикъ такой-то, принявъ на передовомъ посту отъ японскихъ офицеровъ пакетъ отъ генерала Фукушимы, ѣду теперь въ Годзядянь для передачи его главнокомандующему... Въ виду того, что завтра состоится актъ заключенія перемирія...

— Знаемъ! — прервалъ его кто-то. — Сегодня ужъ двое такихъ же проѣхали... Садитесь и пейте...

Онъ былъ, дѣйствительно, третьимъ. Первый офицеръ незамѣтно проѣхалъ утромъ.

Прапорщикъ съѣлъ, но рѣшилъ оставаться героемъ вечера. Поворачиваясь во всѣ стороны, чтобы всѣ присутствующіе его слышали, онъ началъ громогласно разсказывать, какъ на посту всѣ наши были очарованы любезностью японскихъ офицеровъ.

Разговаривать имъ, впрочемъ, не пришлось, потому что они другъ друга не понимали, но вмѣсто словъ японцы выражали свою симпатію тѣмъ, что дарили нашимъ офицерамъ въ память перваго мирнаго свиданія кой-какія бездѣлушки: коробочки японскаго издѣлія, папирсы, визитныя карточки. Одинъ японецъ, раздавъ все, что у него было, на прощаньи подарилъ нашему офицеру фотографическій портретъ своей жены...

Наши не были такъ щедры и отдѣлывались папирсами...

Въ теченіе своего разсказа прапорщикъ демонстрировалъ нѣкоторые вещественныя доказательства мирнаго свиданія. Всѣ столы обошла записка на клочкѣ бумаги, гдѣ на японскомъ языкѣ были выражены «хорошія слова», и толстая японская папирска.

«Хорошихъ словъ», конечно, никто не могъ понять, а папирска была изъ тѣхъ, очень плохого японскаго табаку, папирсы, которыхъ въ Манчжуріи было въ изобиліи въ началѣ кампаніи.

Прапорщикъ рѣшительно объявилъ, что никогда этой папирсы не выкуритъ и никому ни ее, ни японской дружественной записки не отдастъ.

Никто, впрочемъ, не выражалъ претензій завладѣть этими предметами.

Однако послѣ ужина, когда паровозъ для прапорщика былъ готовъ, онъ сталъ со всѣми прощаться и вторыхъ закурилъ эту самую историческую папирску.

Во второмъ часу ночи гостей отправили въ вагонъ на сосѣдній разъѣздъ къ сѣверу.

Черезъ четверть часа въ головномъ поѣздѣ всѣ спали. По высокому краю выемки, гдѣ стоитъ поѣздъ, прохаживался часовой.

Ровно въ 5 часовъ ночи въ тишинѣ послышался тяжелый грохотъ и на разъѣздѣ вошелъ поѣздъ съ нѣсколькими пудмановскими вагонами. Остальные были товарные и оттуда слышалось топанье лошадиныхъ ногъ. Было еще совсемъ темно и въ пассажирскихъ вагонахъ свѣтились огни.

Въ головномъ отрядѣ всѣ поднялись. Старшій офицеръ отряда, капитанъ Шахъ-Ширумовъ, командиръ 23 роты, долженъ былъ встрѣчать генерала.

Заключеніє перемирія. Установленіє демаркаціонной лінії.
Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Заключеніе перемирія. Совѣщаніе уполномоченныхъ — генераловъ Орачовскаго и Фукушимы.
Рисунгоъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Через полчаса начался развѣтъ. По полотну ходил генерал Орановскій въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Самъ генералъ и большинство офицеровъ были въ бѣлыхъ кителяхъ при шарфахъ и въ такихъ же фуражкахъ.

Въ поѣздѣ можно было проѣхать еще версты двѣ до разрушеннаго моста. Но рѣшено было остановиться тутъ, въ виду того, что выгрузка лошадей и обоза гораздо удобнѣе на развѣздѣ.

Это продолжалось не менѣе полчаса. Поражало обиліе повозокъ, но большинство принадлежало телеграфному парку, который нужно было установить по нейтральной полосѣ для непосредственныхъ переговоровъ съ главной квартирой. Но было нѣсколько повозокъ съ провизіей, чемоданами и даже походными палатками, такъ какъ предполагалось, что переговоры могутъ затянуться болѣе сутокъ.

Въ седьмомъ часу сборы были окончены, лошади выведены изъ вагоновъ и осѣдланы.

Передъ отправленіемъ генералъ обратился съ рѣчью къ сопровождавшимъ его офицерамъ. Онъ указывалъ на важность момента перваго свиданія съ врагомъ и предлагалъ вести себя сдержанно и находиться отъ него въ почтительномъ отдаленіи. Самъ онъ, какъ только покажутся японскіе парламентары, съ четырьмя избранными лицами своей свиты поѣдетъ впередъ, а остальные, а также конвой, должны оставаться позади. Никакихъ фотографическихъ съемокъ онъ не разрешилъ, прибавивъ, что послѣ свиданія съ японскимъ уполномоченнымъ онъ увидитъ, насколько это будетъ удобно.

Послѣ этого генералъ поѣхалъ впередъ, а за нимъ двинулась и вся пестрая кавалькада изъ казаковъ, драгунъ и полевыхъ жандармовъ. Одинъ изъ изъ нихъ держалъ большой бѣлый флагъ.

Шестнадцатая верста путешествія продолжалась часа два. Погода была пасмурная съ сильнымъ вѣтромъ. На пустынной равнинѣ до передовыхъ постовъ не видно ни души. На восьмой верстѣ показалась станція Туанмяонзы, послѣдняя на нашихъ позиціяхъ. Вся площадь, занятая прежде множествомъ станціонныхъ построекъ, представляетъ собою груды развалинъ. Верста южнѣе, и опять разрушенный мостъ и повалившійся на груды кирпичей бакъ взорванной водокачки.

Далѣе—опять равнина, заросшая травой и гаоляномъ, но ни одной живой души. Наконецъ кавалькада приближается къ нашей крайней заставѣ. Вдали, въ сторонѣ желѣзной дороги, виднѣется станція Шахедзы. Трубаки и жандармъ съ бѣлымъ флагомъ ѣдутъ впередъ уже безъ дороги по травѣ невоздѣланнаго въ этомъ году поля. Горизонтъ скрытъ пологимъ пригоркомъ.

Но вотъ на гребнѣ заблѣлъ флагъ, и одна за другой вырастаютъ конныя фигуры. Генералъ Орановскій даетъ шпоры лошади и съ нѣсколькими лицами свиты скачетъ впередъ. Бѣлые флаги приближаются почти вплотную. Уполномоченные и лица свиты соскакиваютъ съ лошадей, и генералы Орановскій и Фукушима лѣшкомъ доходятъ другъ до друга и, при помощи переводчиковъ, обмѣниваются привѣтствіями. Съ нашей стороны переводчикомъ служить прапорщикъ Васильевичъ, а съ японской—полковникъ Танака.

Свита генерала Фукушима, которая вдвое меньше нашей, также останавливается въ отдаленіи. Но вотъ около центральной группы уполномоченныхъ появляются фигурки японцевъ, разставляютъ треноги фотографическихъ аппаратовъ и съ полнымъ комфортомъ начинаютъ снимать «моментъ». Фотографъ главкома командующаго поручикъ Ивановъ и другія лица, имѣющія при себѣ аппараты, помня запрещеніе, съ завистью смотрятъ на своихъ коллегъ, которые очевидно отъ своего генерала такого запрещенія не имѣли.

Предварительные переговоры тянулись минутъ двадцать. Въ это время лица нашей свиты стали мало-по-малу подтягиваться къ центральной группѣ, болѣе смѣлые стали украдкой дѣлать снимки, и, въ концѣ концовъ, запрещеніе само собою потеряло свою силу, но это произошло какъ-то нерышительно, безъ твердаго сознанія своего права, котораго такъ и не было дано въ официальной формѣ, съ какой на 87 развѣздѣ было объявлено запрещеніе.

Условившись относительно пунктовъ, подлежащихъ обсужденію, генералъ Фукушима со своими офицерами остался на мѣстѣ, а генералъ Орановскій съ лицами своей свиты отошелъ назадъ къ одиноко стоящему дереву. Каждой группѣ предстояло выработать детали основныхъ пунктовъ. Изъ сумокъ вынута была бумага и письменныя принадлежности. У японцевъ появился откуда-то столикъ, а къ нашему дереву, за неимѣніемъ столика, притащили изъ обоза массивный чемоданъ.

Когда проекты были составлены, уполномоченные опять сошлись на томъ же мѣстѣ и стали ихъ согласовать. На первыхъ порахъ получились разногласія. Генералъ Орановскій, сложивъ руки на ефесъ шашки, говорилъ медленно и хладнокровно, но генералъ Фукушима выражалъ нетерпѣніе. Его, повидному, стѣсняло объясненіе черезъ переводчиковъ. Японскій уполномоченный очень невысокаго роста, полный, со щетинистыми усами, узкими черными и очень пронизательными глазками. Переводчикъ его—полковникъ Танака, очень симпатичный, смуглый, высокаго роста. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уяснить и согласовать спеціальныя выраженія и понятія двухъ разныхъ языковъ. Онъ поминутно улыбался и кланялся. Генералъ Фукушима считалъ пунктъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій имѣющимъ чисто формальное значеніе и воспринималъ помѣщенію въ договорѣ пункта объ отводѣ назадъ линіи сто-

рожевого охраненія. Онъ говорилъ, что считаетъ обязательнымъ прекращеніе военныхъ дѣйствій съ момента подписанія договора въ Портсмутѣ. Кромѣ того, онъ воспротивился устройству нѣсколькихъ пунктовъ для сношенія сторонъ, что было предложено въ ишемъ проектѣ въ видахъ могущихъ возникнуть недоразумѣній изъ-за китайскаго мѣстнаго населенія. Вообще Фукушиму, повидному, подавляло обиліе (числомъ 10) пунктовъ, предложенныхъ нашимъ уполномоченнымъ. Но больше всего его смутилъ послѣдній пунктъ—о томъ, что перемиріе продолжается до ратификаціи мирнаго договора. Онъ всѣми силами старался объяснить, что послѣ мирнаго договора въ Портсмутѣ онъ считаетъ заключеніе перемирія чистою формальностью и не видитъ смысла ограничивать срокъ перемирія. Ратификацію онъ также считаетъ необходимою формальностью, выполненіе которой никакъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Обоимъ въ немъ виденъ былъ практикъ, не сочувствующій сложному многословію канцелярщины. Уполномоченные нѣсколько разъ расходились, исправляли редакціи своихъ проектовъ и опять сходились. Для опредѣленія демаркаціонной линіи подъ нашимъ деревомъ разложили громадную двухверстную карту и карандашникомъ долго по ней чертили. Однако этой карты японцамъ не показали, а вручили имъ съ обозначенной демаркаціонной линіей другую, въ болѣе мелкомъ масштабѣ. Японцы вручили нашему уполномоченному листъ со схематическимъ изображеніемъ передовыхъ постовъ. Среди дна подъ деревомъ на скорую руку устроена была закуска, послѣ чего переговоры возобновились.

Съ каждымъ разомъ группа совѣщавшихся уполномоченныхъ становилась болѣе, и кольцо, окружающее ихъ, тѣснѣе. При этомъ нельзя не замѣтить, что свита генерала Фукушима все время оставалась въ отдаленіи, а наши казаки, драгуны и жандармы, вопреки приказанію, съ наивнымъ любопытствомъ вплотную толпились кругомъ.

Около Фукушима все время находились:—полковникъ Танака въ качествѣ переводчика и два ученыхъ мужа—профессора международнаго права—одинъ въ такой же формѣ, какъ и Фукушима, такого же склада и роста, но сѣдой и мрачный, а другой въ бѣломъ кителѣ, высокій, какъ Танака, въ темныхъ очкахъ. Оба они, очевидно, были совѣтниками генерала Фукушима, но во время переговоровъ глубокомысленно молчали.

Всѣ японцы были одѣты, за исключеніемъ одного изъ ученыхъ, въ желтые мѣшковато сидящие хаки съ эсельбантами, въ фуражкахъ со шпурками на околышахъ, со звѣздочкой вытѣто нашей кокарды и въ высокихъ кожаныхъ сапогахъ. Съ праваго бока они имѣли низко, на внутреннемъ ремнѣ, висящія полевые сумки. Въ противоположность нашимъ шеголеватымъ офицерамъ, японцы и даже самъ Фукушима на рукахъ не имѣли перчатокъ.

Уже темнѣло, когда стали на-чисто переписывать договоръ, и ровно въ 7 часовъ вечера перемиріе было подписано.

Туть опять не обошлось безъ противорѣчій.

Генералъ Орановскій желалъ, чтобы кромѣ него съ Фукушимой договоръ былъ скрѣпленъ подписями другихъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ переговорахъ, а также переводчиками сторонъ.

Но Фукушима не согласился съ этимъ и находилъ вполнѣ достаточнымъ, если договоръ будетъ подписанъ одними уполномоченными.

На этомъ и порѣшили. Первымъ подписался генералъ-лейтенантъ Фукушима, какъ старшій въ чинѣ, а вторымъ генералъ-майоръ Орановскій.

Генералы пожали другъ другу руки. Лица свиты, которые успѣли уже между собой перезнакомиться, также обмѣнялись рукопожатіями. Подали лошадей, и кавалькады медленно поѣхали въ свои стороны.

Въ наступившей темнотѣ пришлось ѣхать шагомъ, и генералъ Орановскій со свитой прибыли на 87 развѣздѣ въ 12 часовъ ночи, а черезъ часъ ожидавшій его поѣздъ уже ѣхалъ обратно въ Гудзядянь.

87 развѣздъ.
3-го сентября 1905 г.

В. Табуринъ.

Толки о новыхъ союзахъ.

(Политическое обозрѣніе).

Иностранная печать полна самыми невѣроятными сообщеніями о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ на Западѣ и на Востокѣ. Вездѣсущіе и всевѣдущіе репортеры пускаютъ въ обращеніе по сенсаціонную новость о заключеніи новаго тройственнаго союза между Англійей, Японіей и Америкой, то изумительно вѣсть о привлеченіи къ англо-японскому союзу Россіи, говорятъ то объ англо-французской коалиціи противъ Германіи, то, наконецъ, о русско-германскомъ соглашеніи, направленномъ противъ Англии. Разобраться во всѣхъ этихъ толкахъ и дипломатическихъ сплетняхъ, облекаемыхъ въ форму самыхъ интимныхъ откровеній, чрезвычайно трудно, да и едва ли стоитъ разбираться. Мало ли утокъ летаетъ въ газетномъ мірѣ! Сами по себѣ онѣ нисколько не опасны и составляютъ только обычную матеріальную пищу газетныхъ репортеровъ и духовную пищу досужихъ политикановъ. Но бѣда и великая опасность начинается грозить націи съ того момента, когда дипломатическіе вымыслы политическихъ авантюристовъ вдутъ

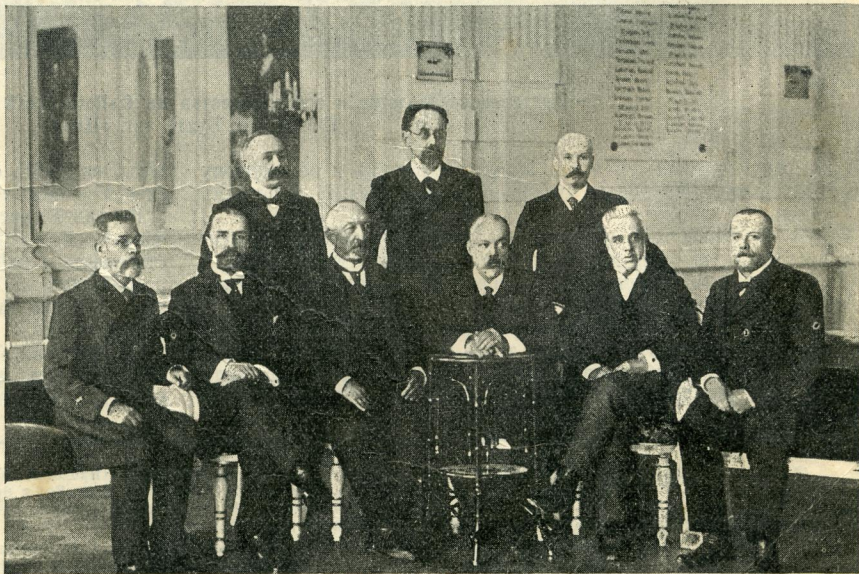

Къ 25-лѣтію Петровскаго училища купеческаго общества въ С.-Петербургѣ. Общій видъ зданія (на набережной р. Фонтанки). По фот. авт. «Нивы».

надѣваютъ воображеніемъ народовъ, начинаютъ давить стихійною силою на правителей и толкаютъ цѣлыя государства на путь рискованныхъ авантуръ. Именно такую великую національную бѣду пережили мы въ послѣдніе годы, когда какія-то темныя силы грабли съ помощью газетной агитаціи растравить въ обществѣ дальневосточные аппетиты, когда такъ много говорилось и писалось о нашей культурной миссіи въ Китаѣ, о необходимости теплыхъ немерзающихъ портовъ въ Тихомъ океанѣ, о неоспоримыхъ правахъ русской промышленности и торговли на міровой аренѣ и т. д., и т. д. Розовыя иллюзіи, овладѣвшія русскимъ обществомъ, не заведили превратиться въ злую кровавую химеру несчастной войны, которая оставила Россію усталой, надорванной и ослабленной. Горькій опытъ пережитыхъ нами черныхъ дней не долженъ пройти бесслѣдно для націи. Онъ зародилъ въ русскихъ сердцахъ невольное чувство скептицизма къ политическимъ соблазнамъ и недоверія къ какимъ бы то ни было агрессивнымъ порывамъ. Итоги годового вѣянія въ исторіи Россіи десятилѣтія столь плачевны, что мечты о магомъ пламенномъ патриотизмѣ невольно суживаются къ возможному минимуму политическихъ пожеланій по пословицѣ: «не до жиру—быть бы живу». Вѣроятно, именно съ такимъ чувствомъ страха и мучной тревоги будетъ встрѣчено сенсационное сообщеніе «Daily Express» о переговорахъ, яно бы ведущихся между русскимъ и английскимъ правительствами относительно болѣе тѣснаго сближенія между двумя державами и разграниченія ихъ интересовъ на Востокѣ. По словамъ лондонской газеты, Великобританія, въ знакъ готовности войти въ соглашеніе съ Россіей по азіатскимъ дѣламъ, выразила даже соглашеніе на приобрѣтеніе Россіей порта въ Персидскомъ заливѣ. По английскому проекту Россія получаетъ въ Персіи свободу торговли, а Англія—политическое вліяніе. Афганистанъ перестаетъ быть яблокомъ раздора между двумя странами. Это соглашеніе общааетъ Азію дру полнаго мира. Кромѣ того Англія соглашается предоставить Россіи полную свободу дѣйствій въ Малой Азіи, что исключаетъ всякую необходимость входить въ какія-либо соглашенія по этому вопросу съ Германіей.

Русское общество, поскольку тихій голосъ его можетъ быть услышанъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, на всѣ эти предательскіе соблазны английской дипломатіи готово отвѣтить повтореніемъ древняго изреченія: «Бойтесь данайцевъ, дары приносящихъ!» Въ самомъ дѣлѣ, не нужно обладать большою проницательностью, чтобы въ соблазнительной съ виду комбинаціи английской дипломатіи увидѣть тонко рассчитанную западню. Въ видѣ обѣщаннаго «порта въ Персидскомъ заливѣ» Англія готовитъ намъ новый Портъ - Артуръ, а предоставляя намъ «полную свободу дѣйствій въ Малой Азіи», рассчитываетъ толкнуть Россію на неминуемое единоборство съ Германіей. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ заставить своихъ враговъ стучаться ломи другъ съ другомъ. Враждебная Россіи по своимъ историческимъ традиціямъ, Англія чувствуетъ вражду къ Германіи вслѣдствіе ея растущаго промышленнаго и коммерческаго соперничества на мировыхъ рынкахъ и надѣется побѣдить своихъ враговъ,

неисчислимыя потери. Вовлекать ихъ въ агрессивную политику—значитъ заведомо толкать ихъ на гибель. До тѣхъ поръ, пока не окончится наше переходное состояніе, пока внутреннія силы, выведенныя изъ своего историческаго покоя, не придутъ въ состояніе прочнаго равновѣсія, политика Россіи должна быть по возможности болѣе спокойной и осторожной. Россія, вмѣщающая въ себѣ $\frac{1}{3}$ часть всей суши земного шара, такъ велика, что ей не къ чему стремиться къ дальнѣйшему расширенію своихъ предѣловъ. Никакіе реальные интересы не оправдываютъ въ данную историческую эпоху сколько-нибудь рискованныхъ приобрѣтеній. Вышній ростъ, не соответствующій внутреннему накопленію силъ, ставить на карту самое существованіе великаго политическаго организма. Пусть сначала какъ-нибудь разрѣшится расслабляющая насъ внутренній хаосъ, пусть правительство найдетъ прочную опору въ націи, пусть нарастутъ и накопятся наши силы,—о, тогда Россія возьметъ все въ мірѣ, что принадлежитъ ей по историческому праву; теперь же единственнымъ идеаломъ ея внѣшней политики должна быть охрана нашихъ нынѣшнихъ границъ, не приобрѣтеніе новыхъ владѣній, а защита того, что досталось намъ отъ предковъ. Наша дипломатія должна быть принципиально и сознательно консервативной. Всякія авантюры и рискованныя политическія комбинаціи таить въ себѣ въ настоящую эпоху огромную опасность для націи, которая жаждетъ только мира и спокойствія. Вотъ почему мы убѣждены, что дипломатамъ «коварнаго Альбіона» не удастся заставить Россію проглотить лакомую приманку съ предательскимъ крючкомъ внутри и сдѣлать изъ нашихъ армій слѣпое орудіе для борьбы съ Германіей, конкуренція которой съ каждымъ днемъ

I рядъ (слѣва). 1. Д. Д. Моревъ, директоръ училища, 2. П. Н. Герасимовъ, 3. Ф. П. Рыбкинъ, 4. И. С. Крючковъ (предсѣдатель), 5. И. К. Соколовъ (товарищъ предсѣдателя), 6. И. Я. Коцекинъ II рядъ (слѣва): 1. А. И. Лященко (инспекторъ училища), 2. М. В. Посадскій (секретарь Совѣта), 3. В. И. Морозовъ.

Къ 25-лѣтію Петровскаго училища купеческаго общества въ С.-Петербургѣ. Попечительный совѣтъ училища. По фот. авт. «Нивы».

все болѣе и болѣе угрожаетъ промышленному и торговому міро-
вому первенству Англійи.

Къ 25-лѣтію Петровскаго коммерческаго училища въ Петербургѣ. (Съ 2 рис. на стр. 819).

Петровское училище Спб. купеческаго общества было основано 1 октября 1880 г. Оно явилось первымъ въ Петербургѣ, по времени основанія, коммерческимъ училищемъ вѣдства министерства финансовъ. Первому директору, П. О. Рашевскому, много пришлось потрудиться, чтобы поставить это учебное заведеніе на должную высоту. И Спб. купеческое общество, въ продолженіе 25 лѣтъ, неустанно заботилось о своемъ культурномъ дѣтищѣ, до-

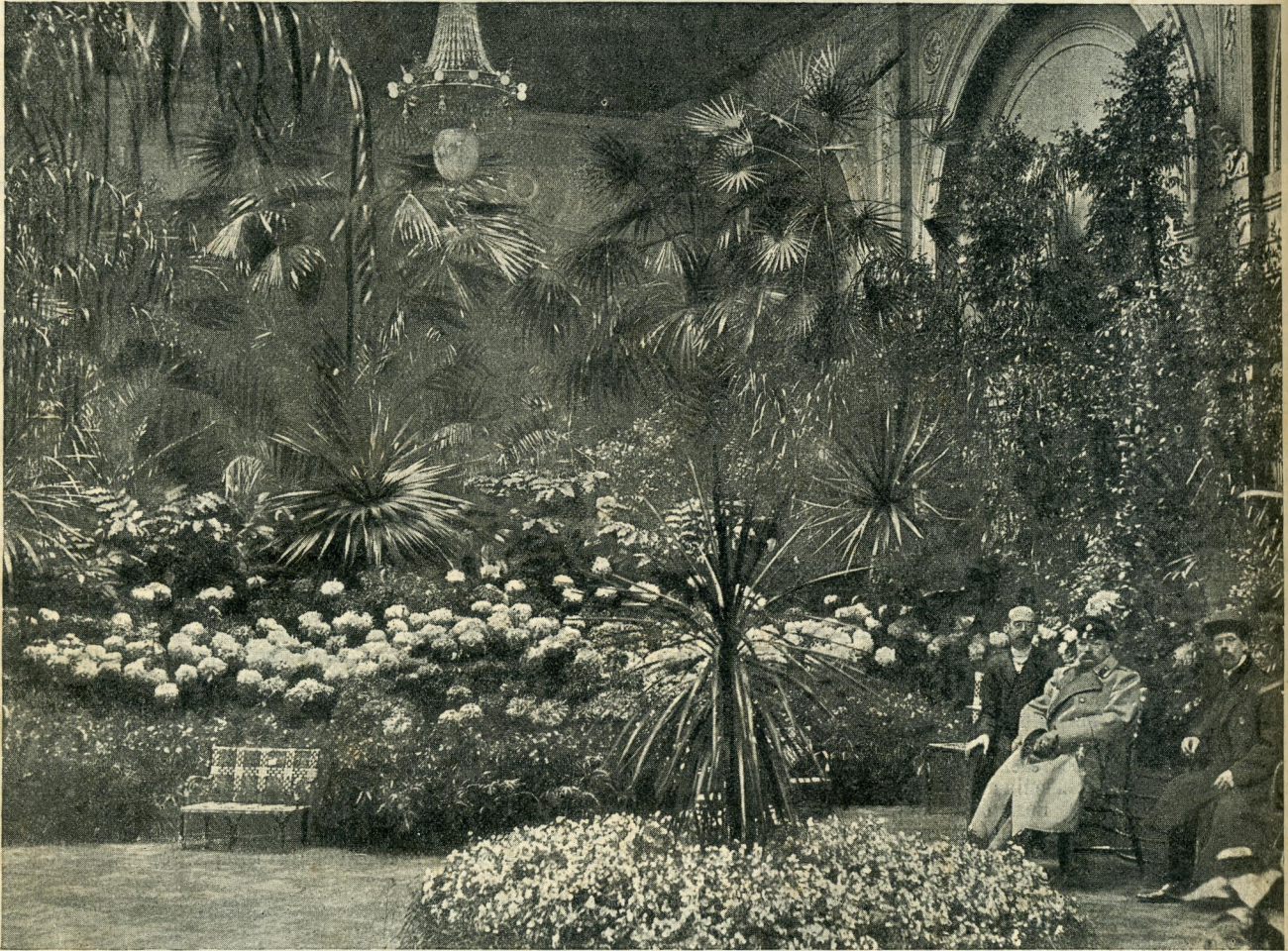
прежнимъ. Въ немъ будутъ: большая химическая лабораторія, залъ для чтенія съ фонаремъ на большое число слушателей, гимнастическій залъ и столовая. Этотъ щедрый даръ еще больше поможетъ дѣлу развитія учащихся.

Вмѣстѣ съ юбилеемъ Петровскаго училища совпала 25-лѣтняя учебная дѣятельность преподавателя физики Н. А. Трифонова, который много потрудился при составленіи образцоваго физическаго кабинета.

Выставка садоводства и огородничества.

(Съ рис. на этой стр.).

24 сентября открылась въ С.-Петербургѣ интересная выставка садоводства и огородничества, устроенная въ пользу пострадав-

Выставка садоводства и огородничества въ С.-Петербургѣ въ залахъ Пассажа.

По фот. К. Булла авт. «Нивы».

ставляя ему нужны средства. Этимъ средствамъ и образцовому педагогическому персоналу училище обязано своимъ быстрымъ развитіемъ.

Теперь въ училищѣ 6 общеобразовательныхъ классовъ (не считая приготовительнаго), по курсу равныхъ реальному училищу, и 2 специальныхъ, гдѣ изучаются коммерческія науки, политическая экономія, химія, законовѣдѣніе и пр.

За время своего существованія училище разрослось; оставаться въ прежнихъ рамкахъ ему стало тѣсно, и теперь, отпраздновавъ 25-лѣтній юбилей, Спб. купеческое общество рѣшило ассигновать 160.000 руб. на постройку новаго зданія, но соединеннаго съ

шихъ на войнѣ съ Японіей. Устроителемъ ся явилось Императорское Россійское общество садоводства.

Выставка распалась на 4 отдѣла: 1) садоводство (растенія оранжерейныя и тепличныя, отдѣльныя группы растеній листовыхъ и цвѣтущихъ, и растенія комнатной культуры), 2) огородничество, 3) техническій отдѣлъ и 4) научный отдѣлъ. Находила она въ залѣ Пассажа и продолжалась до 12 октября включительно.

На выставкѣ былъ организованъ базаръ и безпронгрешная лотерея-аллегири, доходъ съ которой предназначенъ, какъ сказано, въ пользу пострадавшихъ на войнѣ лицъ.

Содержаніе.

Т Е К С Т Ъ: Испорченная натура. Повесть кн. М. В. Волконской. (Продолженіе).—Лишній часъ. Сказка Василія Московскаго.—Стихотворенія 1) Манчурія. 2) Монголія. В. Шуфа.—Князь С. Н. Трубецкой.—Хозе-Марія Эредиа.—„Муза мести и печали“.—Къ разсказу А. П. Чехова „Хористка“.—„Эпилогъ“.—Миръ. (Отъ нашего спеціального корреспондента).—Толки о новыхъ союзахъ. (Политическое обозрѣніе).—Къ 25-лѣтію Петровскаго коммерческаго училища въ Петербургѣ.—Выставка садоводства и огородничества.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Муза мести и печали.—Литературный альбомъ. „Хористка“, разсказъ А. П. Чехова.—Туалетъ одалиски.—Эпилогъ.—Русскіе и иностранные корреспонденты вмѣстѣ съ известнымъ англійскимъ журналистомъ Вильямомъ Стэдомъ и проф. П. Н. Милюковымъ на съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ.—Съездъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ. 1) Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ кн. П. Д. Долгорукова. 2) Голосованіе.—Уличный ресторанъ въ Китаѣ.—Перенесеніе тѣла кн. С. Н. Трубецкаго, 2 октября с. г.—Князь С. Н. Трубецкой въ гробу.—Хозе-Марія Эредиа.—Заключеніе перемирія. 1) Установленіе демаркаціонной линіи. 2) Совѣщаніе уполномоченныхъ—генераловъ Орановскаго и Фукушима.—Къ 25-лѣтію Петровскаго училища купеческаго общества въ С.-Петербургѣ. 1) Общій видъ зданія (на набережной р. Фонтанки). 2) Попечительный совѣтъ училища.—Выставка садоводства въ С.-Петербургѣ въ залахъ Пассажа.

Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтынова-Щедрина“ книга 8.